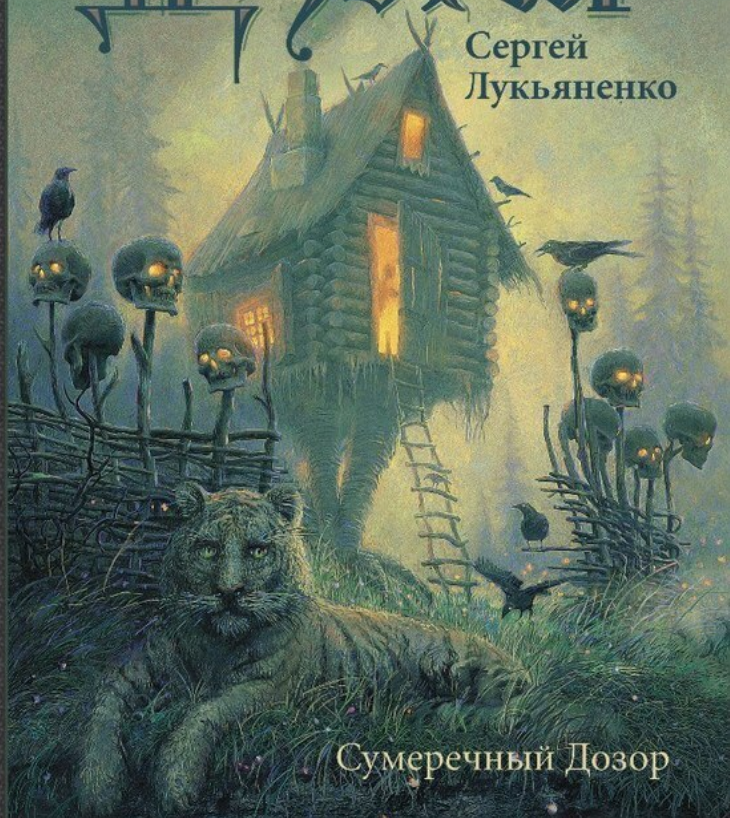

Проект
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

Мозоры

Сергей
Лукьяненко

Сумеречный Дозор

Сергей Васильевич Лукьяненко

Сумеречный Дозор

Серия «Дозоры», книга 3

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119468
Сумеречный Дозор: АСТ; Москва; 2004
ISBN 978-5-17-087843-7*

Аннотация

Рожденный человеком – не способен стать Иным.

Так было всегда.

На этом стоит равновесие между Ночным и Дневным Дозорами. Между Светлыми и Темными магами.

Что случится, если кто-то сможет превращать в Иных самых обычных людей?

Если Светлый маг Гесер и Темный маг Завулон будут вынуждены действовать вместе?

Если в элитном жилом комплексе «Ассоль», в маленькой подмосковной деревушке и в скором поезде Москва – Алматы будет поставлено на карту само существование Иных – и людей?

Содержание

История первая	5
Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	37
Глава 3	60
Глава 4	87
Глава 5	107
Глава 6	126
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Сергей Лукьяненко

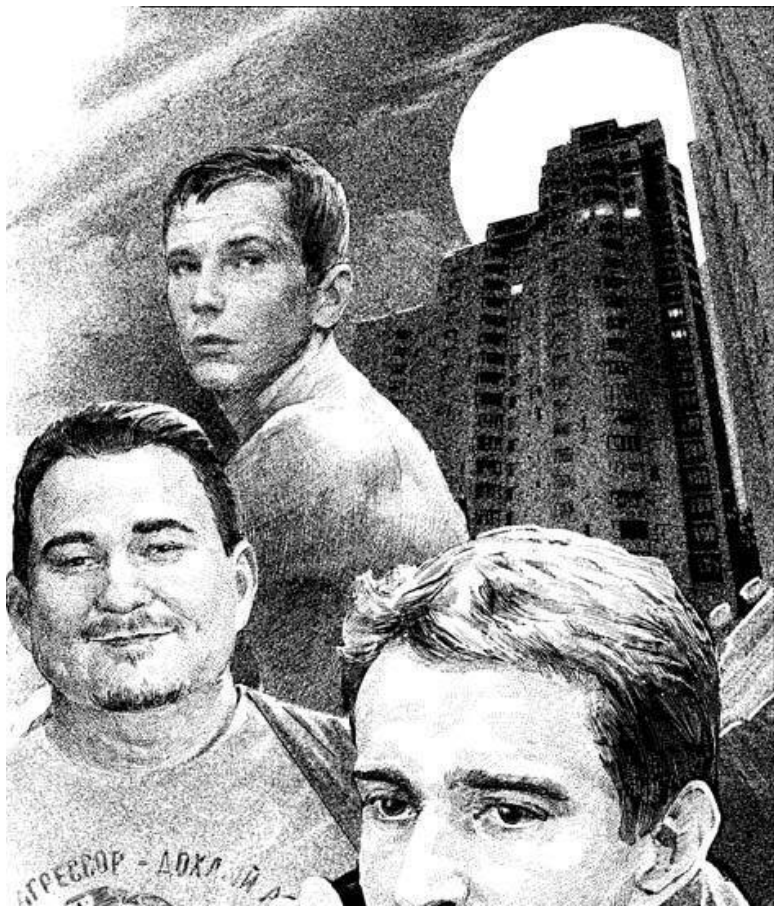
Сумеречный Дозор

*Данный текст безразличен делу Света.
Ночной Дозор.*

*Данный текст безразличен делу Тьмы.
Дневной Дозор.*

История первая

Ничье время

Пролог

Настоящие дворы исчезли в Москве где-то между Высоцким и Окуджавой.

Странное дело. Даже после революции, когда в целях борьбы с кухонным рабством в домах ликвидировались кухни, на дворы никто не покушался. У каждой гордой «сталинки», развернувшейся потемкинским фасадом на ближайший проспект, обязательно был двор – большой, зеленый, со столиками и скамейками, с дворником, скребущим асфальт по утрам. Но пришла пора панельных пятиэтажек – и дворы съежились, полысели, когда-то степенные дворники сменили пол и превратились в дворничих, считавших своим долгом отодрать за ухо расшалившихся мальчишек и укоризненно выговорить вернувшимся пьяненькими жильцам. Но все-таки дворы еще жили.

А потом, будто откликаясь на акселерацию, дома потянулись вверх. От девяти этажей до шестнадцати, а то и до двадцати четырех. И будто каждому дому отводился в пользование объем, а не площадь – дворы усохли до самых подъездов, подъезды открыли двери прямо на проезжие улицы, дворники и дворничихи исчезли, сменившись работниками коммунального хозяйства.

Нет, позже дворы вернулись. Но, будто обидевшись на былое небрежение, далеко не ко всем домам. Новые дворы

были опоясаны высокой оградой, на проходных сидели подтянутые молодые люди, под английским газоном прятались подземные паркинги. Дети на этих дворах играли под присмотром гувернанток, пьяных жильцов извлекали из «мерседесов» и «БМВ» ко всему привычные телохранители, а мусор с английских газонов новые дворники подчищали маленькими немецкими машинками.

Этот двор был из новых.

Многэтажные башни на берегу Москвы-реки знали по всей России. Они стали новым символом столицы – вместо потускневшего Кремля и превратившегося в рядовой магазин ЦУМа. Гранитная набережная с собственной пристанью, отделанные венецианской штукатуркой подъезды, кафе и рестораны, салоны красоты и супермаркеты, ну и конечно же, квартиры по две-три сотни метров. Наверное, новой России нужен был такой символ – помпезный и кичовый, будто толстая золотая цепь на шее в эпоху первичного накопления капитала. И не важно, что большая часть давно купленных квартир стояла пустой, кафе и рестораны были закрыты до лучших времен, а о бетонную пристань били грязные волны.

Человек, теплым летним вечером прогуливающийся по набережной, золотой цепи никогда не носил. У него было хорошее чутье, вполне заменявшее вкус. Он вовремя сменил спортивный костюм «Адидас» китайского пошива на малиновый пиджак, первым отказался от малинового пиджака в пользу костюма от Версачи. Он даже спортом занимался с

опережением – забросив теннисную ракетку и перейдя на горные лыжи на месяц раньше всех кремлевских чиновников... даром что в его годы с удовольствием на горных лужах можно только стоять.

И жить он предпочитал в особняке в Горках-9, посещая квартиру с окнами на реку только с любовницей.

Впрочем, от постоянной любовницы он тоже собирался отказаться. Все-таки возраст не победит никакая виагра, а супружеская верность начинала входить в моду.

Водитель и охранник стояли достаточно далеко, чтобы не слышать голос хозяина. Впрочем, если ветер и доносил до них обрывки слов – что в этом странного? Почему бы человеку и не поговорить самому с собой на исходе трудового дня, стоя в полном одиночестве над плещущими волнами? Нет более понимающего собеседника, чем ты сам.

– И все-таки я повторяю свое предложение... – сказал человек. – Снова повторяю.

Тускло светили звезды, пробившиеся сквозь городской смог. На другом берегу реки зажигались крошечные окошки лишенных двора многоэтажек. Из красивых фонарей, тянувшихся вдоль пристани, горел каждый пятый – и то лишь по поводу блажи большого человека, вздумавшего прогуляться у реки.

– Снова повторяю, – тихо сказал человек.

О набережную плеснула волна – и с ней пришел ответ:

– Это невозможно. Абсолютно невозможно.

Человек на пристани не удивился голосу из пустоты.

Кивнул и спросил:

– А как насчет вампиров?

– Да, это вариант, – согласился невидимый собеседник. – Вампиры могут вас инициировать. Если вас устроит существование нежити... нет, я не буду врать, солнечный свет им неприятен, но не смертелен, да и от ризотто с чесноком отказываться не придется...

– Тогда что? – спросил человек, невольно поднося руку к груди. – Душа? Необходимость пить кровь?

Пустота тихо засмеялась:

– Всего лишь голод. Вечный голод. И пустота внутри. Вам это не понравится, я уверен.

– Что еще? – спросил человек.

– Обратни, – почти весело ответил невидимка. – Они тоже способны инициировать человека. Но и обратни – низшая форма Темных Иных. Большую часть времени все прекрасно... но когда приступ приближается, вы не сможете себя контролировать. Три-четыре ночи в месяц. Иногда меньше, иногда больше.

– Новолуние, – понимающе кивнул человек.

Пустота снова засмеялась:

– Нет. Приступы обратной не связаны с лунным циклом. Вы будете чувствовать приближение безумия за десять – двенадцать часов до момента превращения. Но точного графика вам никто не составит.

– Отпадает, – холодно сказал человек. – Я повторяю свою... просьбу. Я хочу стать Иным. Не низшим Иным, которого охватывают приступы животного безумия. Не великим магом, творящим великие дела. Самым обычным, рядовым Иным... как там по вашей классификации? Седьмого уровня?

– Это невозможно, – ответила ночь. – У вас нет способностей Иного. Ни малейших. Можно научить играть на скрипке человека, лишённого музыкального слуха. Можно стать спортсменом, не имея к тому никаких данных. Но Иным вы не станете. Вы просто другой породы. Мне очень жаль.

Человек на набережной засмеялся:

– Не бывает ничего невозможного. Если низшая форма Иных способна инициировать людей – то должен существовать и способ превратиться в мага.

Темнота молчала.

– Кстати, я не говорил, что хочу стать Темным Иным. Я не испытываю никакого желания пить невинную кровь, гоняться в полях за девственницами или с мерзким хихиканьем наводить порчу, – раздраженно сказал человек. – Куда с большим удовольствием я стану совершать добрые дела... в общем – ваши внутренние разборки мне совершенно безразличны!

– Это... – устало сказала ночь.

– Это ваша проблема, – ответил человек. – Я даю вам неделю. После этого я хочу получить ответ на свою просьбу.

– Просьбу? – уточнила ночь.

Человек на набережной улыбнулся:

– Да. Пока я лишь прошу.

Он повернулся и пошел к машине – «волге», которая вновь войдет в моду примерно через полгода.

Глава 1

Даже если любишь свою работу – последний день отпуска навевает тоску. Еще неделю назад я жарился на чистеньком испанском пляже, вкушал паэлью (если честно – узбекский плов вкуснее), пил в китайском ресторанчике холодную сангрию (и как так получается, что китайцы национальный испанский напиток готовят лучше аборигенов?) и покупал по магазинчикам всякую курортную сувенирную ерунду.

А теперь вновь была летняя Москва – не то чтобы жаркая, но томительно-душная. И последний день отпуска, когда голова отдыхать уже не способна, но работать отказывается наотрез.

Может быть, поэтому звонок Гесера я встретил с радостью.

– Доброе утро, Антон, – не представляясь начал шеф. – С возвращением. Узнал?

С каких-то пор звонки Гесера я начал чувствовать. Будто менялась трель телефона, обретала требовательный, властный оттенок.

Но говорить шефу об этом я не спешил.

– Узнал, Борис Игнатьевич.

– Один? – спросил Гесер.

Ненужный вопрос. Уверен, что Гесер прекрасно знает, где сейчас Светлана.

– Один. Девочки на даче.

– Хорошее дело, – вздохнул шеф на том конце трубки, и в голосе его появились совсем человеческие нотки. – Ольга вот тоже утром в отпуск улетела... половина сотрудников на югах греется... Ты мог бы сейчас подойти в офис?

Ответить я не успел – Гесер бодро сказал:

– Ну и прекрасно! Значит, через сорок минут.

Очень хотелось обозвать Гесера дешевым позером – конечно, положив вначале трубку. Но я промолчал. Во-первых, шеф мог слышать мои слова без всякого телефона. Во-вторых – уж кем-кем, а дешевым позером он не был. Просто предпочитал экономить время. Если я собирался сказать, что буду через сорок минут, – к чему терять время и меня выслушивать?

А еще – я был очень рад звонку. Все равно день пропащий – на дачу я поеду только через неделю. Убираться в квартире рано – как любой уважающий себя мужчина в отсутствие семьи я делаю это один раз, в последний день холостяцкой жизни. Идти в гости или звать гостей к себе тоже решительно не хотелось. Так что куда полезнее на день раньше вернуться из отпуска – чтобы в нужный момент с чистой совестью потребовать отгул.

Пусть даже у нас не принято требовать отгулы.

– Спасибо, шеф, – с чувством сказал я. Отлепился от кресла, отложив недочитанную книжку. Потянулся.

И телефон зазвонил снова.

Конечно, с Гесера станется позвонить и сказать «пожалуйста». Но уж это точно станет фиглярством!

– Алло! – произнес я очень деловым тоном.

– Антон, это я.

– Светка, – сказал я, усаживаясь обратно. И напрягся – голос у Светланы был нехороший. Тревожный. – Светка, что с Надей?

– Все в порядке, – быстро ответила она. – Не волнуйся. Лучше скажи, как у тебя дела?

Несколько секунд я размышлял. Пьянок не устраивал, женщин в дом не водил, мусором не зарос, даже посуду мою...

А потом до меня дошло.

– Гесер звонил. Только что.

– Чего он хочет? – быстро спросила Светлана.

– Ничего особенного. Просил сегодня выйти на работу.

– Антон, я что-то почувствовала. Что-то нехорошее. Ты согласился? Идешь на работу?

– Почему бы и нет? Совершенно нечем заняться.

Светлана на другом конце провода (хотя какие провода у мобильных телефонов?) молчала. Потом неохотно сказала:

– Знаешь, меня будто в сердце кольнуло. Ты веришь, что я беду чую?

Я усмехнулся:

– Да, Великая.

– Антон, ну будь серьезнее! – Светлана завелась немед-

ленно. Как всегда, если я называл ее Великой. – Послушай меня... если Гесер тебе что-нибудь предложит – откажись.

– Света, если Гесер меня вызвал – значит хочет что-то предложить. Значит, рук не хватает. Говорит, все в отпусках...

– Пушечного мяса ему не хватает, – отрезала Светлана. – Антон... ладно, все равно ты меня не слушаешь. Просто будь осторожен.

– Светка, ты же не думаешь всерьез, что Гесер собирает-ся меня подставить, – осторожно сказал я. – Понимаю твое отношение к нему...

– Будь осторожен, – сказала Светлана. – Ради нас. Хорошо?

– Хорошо, – пообещал я. – Я всегда очень осторожен.

– Я позвоню, если еще что-нибудь почувствую, – сказала Светлана. Кажется, она немного успокоилась. – И ты позвони, хорошо? Вот хоть что-нибудь необычное случится – звони. Ладно?

– Позвоню.

Светлана несколько секунд молчала, а прежде чем положить трубку, произнесла:

– Уходил бы ты из Дозора, Светлый Маг третьего уровня...

Что-то подозрительно легко все закончилось – мелкой шпилькой... Хотя на эту тему мы договорились не говорить. Давно договорились – три года назад, когда Светлана ушла

из Ночного Дозора. Ни разу обещание не нарушали. Конечно, я рассказывал жене про работу... про те дела, которые хотелось вспоминать. И она всегда слушала с интересом. А вот теперь – прорвало.

Неужели и впрямь почувствовала что-то нехорошее?

В результате собирался я долго, неохотно. Надел костюм, потом переделся в джинсы и клетчатую рубашку, потом плюнул на все и влез в шорты и черную футболку с надписью «Мой друг побывал в состоянии клинической смерти, но все, что он мне привез с того света, – эту футболку!». Буду похож на жизнерадостного немецкого туриста, зато сохраню хотя бы видимость отпускного настроения перед лицом Гесера...

В результате я вышел из дома за двадцать минут до назначенного шефом срока. Пришлось ловить машину, прощупывать линии вероятности – после чего подсказывать водителю те маршруты, на которых нас не ждали пробки.

Водитель подсказки принимал неохотно, с глубоким сомнением.

Зато мы не опоздали.

Лифты не работали – парни в синих спецовках деловито грузили в них бумажные мешки с цементной смесью. Я пошел по лестнице и обнаружил, что на втором этаже нашего офиса идет ремонт. Рабочие обшивали стены листами гипсокартона, тут же сустились штукатуры, промазывая швы. Параллельно сооружали подвесной потолок, куда уже были

упрятаны трубы кондиционирования.

Настоял все-таки на своем наш завхоз Виталий Маркович! Вынудил шефа раскошелиться на полноценный ремонт. И даже деньги где-то изыскал.

Задержавшись на миг, я посмотрел на рабочих сквозь Сумрак. Люди. Не Иные. Как и следовало ожидать. Лишь у одного штукатура, совершенно неказистого на вид мужичка, аура показалась подозрительной. Но через секунду я понял, что он просто влюблен. В собственную жену! Надо же, не перевелись еще на свете хорошие люди!

Третий и четвертый этажи уже были отремонтированы, и это окончательно привело меня в хорошее настроение. Наконец-то и в вычислительном центре будет прохладно. Пусть сейчас я появляюсь там не каждый день, но... На бегу я поздоровался с охранниками, явно поставленными здесь на время ремонта. Выскочил к кабинету Гесера – и наткнулся на Семена. Тот что-то серьезно и наставительно втолковывал Юле.

Как летит время... Три года назад Юля была совсем еще девчонкой. Сейчас – молодая красивая девушка.

Подающая большие надежды волшебница, ее уже звали в европейский офис Ночного Дозора. Любят там прибирать к рукам талантливых и молодых – под разномыслие возгласы о большом и общем деле...

Но в этот раз номер не прошел. Гесер и Юльку отстоял, и пригрозил, что сам может рекрутировать европейскую мо-

лодежь.

Интересно, чего в той ситуации хотела сама Юля.

– Отозвали? – понимающе спросил Семен, едва увидев меня и прервав разговор. – Или отгулял свое?

– И отгулял, и отозвали, – сказал я. – Что-то стряслось? Привет, Юлька.

С Семеном мы почему-то никогда не здороваемся. Будто только что виделись. Да он и выглядит всегда одинаково – очень просто, небрежно одетый, с мятым лицом перебравшегося в город крестьянина.

Сегодня, впрочем, Семен выглядел еще непритязательнее обычного.

– Привет, Антон, – улыбнулась девушка. Лицо у нее было невеселым. Похоже, Семен проводил воспитательную работу – он на такие дела мастер.

– Ничего не стряслось. – Семен покачал головой. – Тишь да гладь. На той неделе взяли двух ведьм, да и то по мелочи.

– Ну и славно, – стараясь не замечать жалобный взгляд Юльки, сказал я. – Пойду к шефу.

Семен кивнул и повернулся к девушке. Входя в приемную, я успел услышать:

– Так вот, Юля, я шестьдесят лет тем же самым занимаюсь, но такой безответственности...

Суров он. Но ругает только по делу, так что спасти Юльку от беседы я не собирался.

В приемной, где теперь мягко шелестел кондиционер, а

потолок был украшен крошечными лампочками галогеновой подсветки, сидела Лариса. Видимо, Галочка, секретарша Гесера, в отпуске, а дел у наших диспетчеров и впрямь немного.

– Здравствуй, Антон, – поприветствовала меня Лариса. – Хорошо выглядишь.

– Две недели на пляже, – гордо ответил я.

Лариса покосилась на часы:

– Велено тебя сразу впустить. Но у шефа еще посетители. Пойдешь?

– Пойду, – решил я. – Зря, что ли, спешил.

– К вам Городецкий, Борис Игнатьевич, – сказала Лариса в интерком. Кивнула мне: – Иди... ох, там жарко...

За дверью Гесера и впрямь было жарко. Перед его столом маялись в креслах двое незнакомых мужчин средних лет – мысленно я окрестил их Тонкий и Толстый. Потели, однако, оба.

– И что мы наблюдаем? – укоризненно спросил их Гесер. Покосился на меня. – Проходи, Антон. Садись, я сейчас закончу...

Тонкий и Толстый приободрились.

– Какая-то бесталанная домохозяйка... извращая все факты... опошляя и упрощая... делает вас по всем статьям! В мировом масштабе!

– Потому и делает, что опошляет и упрощает, – мрачно огрызнулся Толстый.

– Вы велели, чтобы «все как есть», – подтвердил Тонкий. – Вот и результат, Пресветлый Гесер!

Я посмотрел на визитеров Гесера сквозь Сумрак. Надо же! Опять – люди! И при этом знают имя и титул шефа! Да еще произносят с совершенно откровенным сарказмом! Конечно, бывают всякие обстоятельства, но чтобы сам Гесер открывался людям...

– Хорошо, – кивнул Гесер. – Даю вам еще одну попытку. На этот раз работайте поодиночке.

Тонкий и Толстый переглянулись.

– Мы постараемся, – добродушно улыбаясь, сказал Толстый. – Вы же понимаете – мы добились определенных успехов...

Гесер фыркнул. Будто получив невидимый сигнал, что разговор окончен, визитеры встали, за руку попрощались с шефом и вышли. В приемной Тонкий что-то весело и игриво сказал Ларисе – та засмеялась.

– Люди? – осторожно спросил я.

Гесер кивнул, неприязненно глядя на дверь. Вдохнул:

– Люди, люди... Ладно, Городецкий. Садись.

Я сел, а Гесер все не начинал разговор. Возился с бумагами, перебирал какие-то цветные гладко обкатанные стеклышки, наваленные в грубую глиняную миску. Очень хотелось посмотреть, амулеты это или просто стекляшки, но вольничать, сидя перед Гесером, я не рискнул.

– Как отдохнул? – спросил Гесер, будто исчерпав все по-

воды оттягивать разговор.

– Хорошо, – ответил я. – Без Светы, конечно, скучно. Но не тащить же Надюшку в испанское пекло. Не дело...

– Не дело, – согласился Гесер. Я не знал, есть ли у великого мага дети, – такой информации не доверяют даже своим. Скорее всего есть. Наверное, он способен испытывать что-то вроде отцовских чувств. – Антон, это ты позвонил Светлане?

– Нет. – Я покачал головой. – Она с вами связалась?

Гесер кивнул. И вдруг его прорвало – он стукнул кулаком по столу и выпалил:

– Да что она себе вообразила? Вначале дезертирует из Дозора...

– Гесер, у нас у всех есть право уйти в отставку, – вставил я. Но Гесер и не подумал извиняться.

– Дезертирует! Волшебница ее уровня себе не принадлежит! Не имеет права принадлежать! Если уж... если уж называется Светлой... Потом – воспитывает дочь как человека!

– Надя – человек, – сказал я, чувствуя, что тоже закипаю. – Станет ли она Иной – ей самой решать... Пресветлый Гесер!

Шеф понял, что теперь и я на взводе. И тон сменил.

– Ладно. Ваше право. Уклоняйтесь от борьбы, ломайте девчонке жизнь... Как будет угодно! Но откуда эта ненависть?

– Что Света сказала? – спросил я.

Гесер вздохнул:

– Твоя жена позвонила мне. На номер телефона, который не имеет права знать...

– Значит, и не знает, – вставил я.

– И сказала, что я собираюсь тебя убить! Что я затеваю далекоидущий план по твоему физическому устранению!

Секунду я смотрел в глаза Гесеру. Потом засмеялся.

– Тебе смешно? – с мукой в голосе спросил Гесер. – Правда смешно?

– Гесер... – Я с трудом задавил смех. – Простите. Можно говорить откровенно?

– Уж изволь...

– Вы самый большой интриган из тех, кого я знаю. Покруче Завулону. Макиавелли по сравнению с вами – щенок...

– Макиавелли ты зря недооцениваешь, – буркнул Гесер. – Так, понял, я интриган. Дальше?

– А дальше я уверен, что вы не собираетесь меня убивать. В критической ситуации, быть может, вы мной пожертвуете. Ради спасения соразмерно большого количества людей или Светлых Иных. Но чтобы так... планируя... интригуя... Не верю.

– Спасибо, порадовал, – кивнул Гесер. Уязвил я его или нет – непонятно. – Тогда что Светлана себе в голову вбила? Ты извини, Антон... – Гесер вдруг замаялся и даже отвел глаза. Но закончил: – Вы ребеночка не ждете? Еще одного?

Я поперхнулся. Замотал головой:

– Нет... вроде как нет... нет, она бы сказала!

– Женщины иногда дуреют, когда ребенка ждут, – буркнул Гесер и снова принялся перебирать свои стекляшки. – Начинают всюду опасность видеть – ребенку, мужу, себе... Или, может, у нее сейчас... – Но тут великий маг совсем смутился и оборвал сам себя: – Ерунда... забудь. Съездил бы к жене в деревню, с девочкой поиграл, молочка попил парного...

– У меня же отпуск завтра кончается, – напомнил я. Ох что-то было неладно! – А я так понимаю, что работать предстоит уже сегодня?

Гесер вытаращился на меня:

– Антон! Какая еще работа? Светлана пятнадцать минут орала на меня! Будь она Темной – надо мной бы сейчас висело inferno! Все, работа отменяется. Я продлеваю тебе отпуск на неделю – и езжай ты к жене, в деревню!

У нас, в московском отделении, говорят: «Трех вещей не может сделать Светлый Иной: устроить свою личную жизнь, добиться счастья и мира на всей Земле и получить отгул у Гесера».

Личной жизнью, если откровенно, я доволен. Теперь вот и неделю отпуска получил.

Возможно, мир и счастье для всей Земли уже на подходе?

– Ты не рад? – спросил Гесер.

– Рад, – признался я. Нет, перспектива под бдительным взглядом тещи пропалывать грядки меня не вдохновляла. Зато – Света и Надя. Надя, Наденька, Надюшка. Чудо мое

двухлетнее. Человек, человечек... Потенциально – Иная великой силы. Такая Великая, что сам Гесер ей в подметки не годится... Я представил себе подошвы Надькиных сандаликов, к которым вместо подметок приколотен великий Светлый маг Гесер, и ухмыльнулся.

– Зайди в бухгалтерию, тебе премию выпишут... – продолжал Гесер, не подозревая, каким мысленным издевательствам я его подвергаю. – Формулировку сам придумай. Что-нибудь... за многолетний добросовестный труд...

– Гесер, что там за работа была? – спросил я.

Гесер замолчал и принялся буравить меня взглядом.

Не добился результатов и сказал:

– Когда я все расскажу, ты позвонишь Светлане. Прямо отсюда. И спросишь – соглашаться тебе или нет. Хорошо? Про отпуск тоже скажешь.

– Что стряслось?

Вместо ответа Гесер открыл стол, достал и протянул мне черную кожаную папку. От папки ощутимо пахло магией – тяжелой, боевой.

– Открывай спокойно, на тебя допуск поставлен... – буркнул Гесер.

Я открыл папку – не допущенный Иной или человек превратились бы после этого в горстку пепла. В папке лежало письмо. Один-единственный конверт.

Адрес нашего офиса был аккуратно выклеен из газетных букв.

Обратного адреса, разумеется, не было.

– Буквы вырезаны из трех газет, – сказал Гесер. – «Правда», «Коммерсантъ» и «Аргументы и факты».

– Оригинально, – признался я. – Можно открыть?

– Открой, открой. Криминалисты уже все, что могли, с конвертом сделали. Отпечатков никаких, клей китайского производства в любом ларьке «Союзпечати» продается...

– А бумага – туалетная! – в полном восторге воскликнул я, доставая из конверта листок. – Она хоть чистая?

– К сожалению, – сказал Гесер. – Ни малейших следов органики. Обычный дешевый пипифакс. «Пятьдесят четыре метра» называется.

На листочке туалетной бумаги, небрежно вырванном по перфорации, текст был выклеен теми же разномастными буквами. Точнее – целыми словами, лишь окончания иногда подбирались отдельно, без всякого уважения к шрифту:

«НОЧНОму ДОЗОРу должно БЫТЬ ИНТЕРЕСНО, что ОДИН Иной РАСКРЫл одному человеку всю правду об ИНЫХ и сейчас собирается сделать ЭТОГО ЧЕЛОВЕКа ИНЫМ. доброЖЕЛАТель».

Я бы засмеялся. Но почему-то не хотелось. Вместо этого я проницательно заметил:

– Ночной Дозор – целыми словами написано... только окончания поменяли.

– Была такая статья в «Аргументах и фактах», – пояснил Гесер. – Про пожар на телебашне. Называлась «НОЧНОЙ

ДОЗОР НА ОСТАНКИНСКОЙ БАШНЕ».

– Оригинально, – согласился я. От упоминания башни меня слегка передернуло. Не самое было веселое время... и не самые веселые приключения. Всю жизнь меня будет преследовать лицо Темного Иного, которого я в Сумраке сбросил с телебашни...

– Не кисни, Антон. Ты все делал правильно, – сказал Гесер. – Давай к делу.

– Давайте, Борис Игнатьевич, – старым «штатским» именем назвал я шефа. – Это что, всерьез?

Гесер пожал плечами:

– Магией от письма даже не пахнет. Либо его сочинял человек, либо способный Иной, умеющий подчищать свои следы. Если человек... значит, и впрямь существует утечка информации. Если Иной... то это совершенно безответственная провокация.

– Никаких следов? – еще раз уточнил я.

– Никаких. Единственная зацепка – почтовый штемпель. – Гесер поморщился. – Но тут очень сильно пахнет подставой...

– Письмо из Кремля, что ли, отправлено? – развеселился я.

– Почти. Ящик, куда опустили письмо, расположен на территории жилого комплекса «Ассоль».

Высоченные дома с красными крышами – такие, без сомнения, одобрил бы товарищ Сталин, я видел. Но только со

стороны.

– Туда просто так не войдешь?

– Не войдешь, – кивнул Гесер. – Так что, отправляя письмо из «Ассоли», после всех ухищрений с бумагой, клеем и буквами, неизвестный либо совершил грубейший промах...

Я покачал головой.

– Либо наводит нас на ложный след... – Тут Гесер сделал паузу, бдительно наблюдая за моей реакцией.

Я подумал. И снова покачал головой:

– Очень наивно. Нет.

– Либо «доброжелатель», – последнее слово Гесер произнес с откровенным сарказмом, – и впрямь хочет дать нам зацепку.

– Зачем? – спросил я.

– Письмо же он зачем-то отправил, – напомнил Гесер. – Как ты понимаешь, Антон, не реагировать на это письмо мы не можем. Исходить будем из худшего – существует Иной-предатель, способный раскрыть человечеству тайну нашего существования.

– Да кто ему поверит?

– Человеку – не поверят. А вот Иной способен продемонстрировать свои умения.

Гесер был прав, разумеется. Но у меня не укладывалось в голове – кто и зачем может на такое пойти. Даже самый глупый и злобный Темный должен понимать, что начнется после открытия правды.

Новая охота на ведьм, вот что.

А на роль ведьм люди охотно назначают и Темных, и Светлых. Всех, в ком есть способности Иного...

Включая Свету. Включая Надюшку.

– Как можно «сделать этого человека Иным»? – спросил я. – Вампиризм?

– Вампиры, оборотни... – Гесер развел руками. – Все, пожалуй. Инициация возможна на самых грубых, примитивных уровнях Темной Силы, а расплачиваться придется утратой человеческой сущности. Инициировать человека в мага невозможно.

– Надюшка... – прошептал я. – Вы ведь переписывали Светлане Книгу Судьбы!

Гесер покачал головой:

– Нет, Антон. Твоей дочери было суждено родиться Великой. Мы лишь уточнили знак. Избавились от элемента случайности...

– Егор, – напомнил я. – Мальчик уже стал Темным Иным...

– А ему мы стерли знак инициации. Дали шанс выбрать заново, – кивнул Гесер. – Антон, все вмешательства, на какие мы способны, связаны лишь с выбором «Темный»-«Светлый». А вот выбирать «человек» или «Иной» нам не дано. Никому в этом мире не дано.

– Значит, речь о вампирах, – сказал я. – Скажем, среди Темных завелся очередной влюбленный вампир...

Гесер развел руками:

– Возможно. Тогда все более-менее просто. Темные про-
верят свою нечисть, они не меньше нашего заинтересова-
ны... Да, кстати. Они тоже получили такое письмо. Совер-
шенно аналогичное. И отправлено из «Ассоли».

– А Инквизиция не получила?

– Ты становишься все проницательнее и проницатель-
нее, – усмехнулся Гесер. – И они тоже. По почте. Из «Ассо-
ли».

Гесер явно на что-то намекал. Я подумал и сделал еще
один проницательный вывод:

– Значит, расследование ведут и оба Дозора, и Инквизи-
ция?

Во взгляде Гесера скользнуло разочарование.

– Получается, что так. В частном порядке, в случае необ-
ходимости, раскрыться перед людьми возможно. Сам зна-
ешь... – Он кивнул в сторону двери, куда вышли его посе-
тители. – Но это в частном порядке. С наложением соответ-
ственных магических ограничений. Здесь ситуация куда ху-
же. Похоже, что кто-то из Иных собирается торговать ини-
циациями.

Представив себе вампира, предлагающего свои услуги бо-
гатым новым русским, я улыбнулся. «А не хотите ли кровуш-
ки из народа попить по-настоящему, господин хороший?»
Хотя... дело ведь не в крови. Даже самый слабый вампир или
оборотень имеют Силу. Им не страшны болезни, они живут

очень, очень долго. О физической силе тоже не стоит забывать – оборотень и Карелина поборет, и Тайсону морду набьет. Ну и тот самый «животный магнетизм», «зов», которым они обладают в полной мере. Любая женщина – твоя, только помани.

Конечно, в реальности и вампиры, и оборотни скованы множеством ограничений. Даже посильнее, чем маги, – их неуравновешенность того требует. Но разве новообращенный вампир это понимает?

– Чему улыбаешься? – спросил Гесер.

– Представил себе объявление в газете. «Превращу в вампира. Надежно, качественно, гарантия – сто лет. Цена договорная».

Гесер кивнул:

– Здравая мысль. Прикажу проверить газеты и сайты объявлений в Интернете.

Я посмотрел на Гесера, но так и не понял, шутит он или говорит всерьез.

– Мне кажется, что реальной опасности нет, – сказал я. – Скорее всего какой-то чокнутый вампир решил заработать. Показал богатому человеку несколько трюков и предложил... Э... укус.

– Укуситься и забыться, – поддержал меня Гесер.

Ободренный, я продолжил:

– Кто-то... к примеру – жена этого человека узнала об ужасном предложении! Пока муж колеблется, она решилась

написать нам. В надежде, что мы устраним вампира и муж останется человеком. Отсюда и сочетание: вырезанные из газеты буквы и почтовое отделение в «Ассоли». Крик о помощи! Она не может сказать нам прямо, но буквально умоляет – спасите моего мужа!

– Романтик, – неодобрительно сказал Гесер. – «Если вам дорога жизнь и рассудок, держитесь подальше от торфяных болот...» И – чик-чик буковки маникюрными ножничками из свежей «Правды»... Адреса она тоже из газет взяла?

– Адрес Инквизиции! – воскликнул я, прозревая.

– Вот теперь ты прав. Ты бы сумел отправить письмо в Инквизицию?

Я молчал. Я был поставлен на подобающее место. И ведь Гесер в лоб мне сказал про письмо в Инквизицию!

– В нашем Дозоре их почтовый адрес знаю только я. В Дневном Дозоре, полагаю, только Завулон. Что из этого получается, Городецкий?

– Письмо отправили вы. Или Завулон.

Гесер только фыркнул.

– А Инквизиция сильно напряглась? – спросил я.

– Напряглась – не то слово. Сама по себе попытка торговли инициациями их не волнует. Обычное дело Дозоров – выявить нарушителя, наказать, закрыть канал утечки. Тем более что и мы, и Темные одинаково возмущены произошедшим... Но письмо в Инквизицию – вопрос особый. Их же немного, сам понимаешь. Если какая-то сторона нарушает

Договор, Инквизиция встает на другую сторону, тем и удерживая равновесие. Это всех нас... дисциплинирует. Но, допустим, в недрах одного из Дозоров зреет план по достижению окончательной победы. Группа боевых магов, объединившись, способна в одну ночь перебить всех Инквизиторов – в том случае, конечно, если они все про Инквизицию знают. Кто в ней служит, где живет, где хранят документы...

– Письмо пришло в их главный офис? – уточнил я.

– Да. И судя по тому, что через шесть часов офис был пуст, а в здании случился пожар, – именно там Инквизиция хранила все свои архивы. Этого даже я не знал точно. В общем, отправив письмо Инквизиции, человек... или Иной... бросил им в лицо перчатку. Теперь Инквизиция будет за ним гоняться. Официальная версия – из-за нарушения секретности и попытки инициации человека. На самом деле – в страхе за собственную шкуру.

– Никогда не думал, что им свойственно бояться за себя, – сказал я.

Гесер кивнул:

– Еще как свойственно, Антон. Вот тебе информация к размышлению... почему в Инквизиции не бывает предателей? К ним приходят и Темные, и Светлые. Проходят свое обучение. А потом – Темные жестоко карают Темных, Светлые – Светлых, стоит им лишь нарушить Договор.

– Особый склад характера, – предположил я. – Таких Иных отбирают.

– И никогда не ошибаются? – скептически спросил Гесер. – Не бывает такого. Но в истории нет ни одного случая нарушения Договора Инквизитором...

– Видимо, слишком хорошо понимают итог нарушения Договора. Один Инквизитор, в Праге, сказал: «Нас держит ужас».

Гесер поморщился:

– Витезслав... любит он красоты... Ладно, этим голову не забивай. Ситуация проста – существует Иной, либо нарушающий Договор, либо издевающийся над Дозорами и Инквизицией. Инквизиция поведет свое расследование, Темные – свое. От нас тоже требуется сотрудник.

– Можно спросить? Почему именно я?

Гесер развел руками:

– Ряд причин. Первое – скорее всего в ходе расследования придется столкнуться с вампирами. А ты у нас специалист по низшим Темным.

Нет, вроде он не смеялся...

– Второе, – продолжал Гесер, на немецкий манер отгибая загнутые в кулак пальцы. – От Инквизиции официальными дознавателями назначены твои знакомые. Витезслав и Эдгар.

– Эдгар в Москве? – удивился я. Нельзя сказать, что Темный маг, перешедший три года назад в Инквизицию, был мне симпатичен. Но... но можно сказать, что он не был неприятен.

– В Москве. Четыре месяца назад закончил курс обучения и прилетел к нам. Поскольку по работе тебе придется контактировать с Инквизиторами, всякий личный контакт полезен.

– Контакт с ними был не слишком-то приятным, – напомнил я.

– А я тебе что, тайский массаж в рабочее время обещаю? – сварливо спросил Гесер. – Третья причина, почему я хотел бы направить на это задание именно тебя... – Он замолчал. Я ждал.

– Расследование от Темных тоже ведет твой старый знакомый.

Имени Гесер мог уже и не называть. Но он продолжил:

– Константин. Молодой вампир... твой бывший сосед. Помнится, у вас были хорошие отношения.

– Да, конечно, – с горечью сказал я. – Пока он был ребенком, пил только свиную кровь и мечтал избавиться от «проклятия»... Пока не понял, что его приятель, Светлый маг, таких, как он, сжигает дотла.

– Это жизнь, – констатировал Гесер.

– Он ведь уже пил человеческую кровь, – сказал я. – Наверняка! Раз выслужился в Дневном Дозоре.

– Он стал Высшим вампиром, – произнес Гесер. – Самый молодой Высший вампир в Европе. Если переводить на наши мерки, то это...

– Второй-третий уровень Силы, – прошептал я. – Пять-

шесть загубленных жизней.

Костя, Костя... Я тогда был молодой и неопытный Светлый маг. Никак не мог завести друзей в Дозоре, а со старыми знакомыми отношения стремительно рвались... не могут дружить Иные и люди... И вдруг оказалось, что мои соседи по подъезду – Темные Иные. Семья вампиров. Мама и папа вампиры, да и ребеночка инициировали. Правда, ничего дурного. Никаких ночных охот, никаких требований лицензий, законопослушно пили свиную и донорскую кровь. И меня, дурака, это расслабило. Я с ними подружился. Даже заходил к ним. Даже звал в гости! Они ели пищу, которую я готовил, и нахваливали... а я, дурак, не понимал, что человеческая еда для них безвкусна, что их терзает древний, вечный голод. Маленький вампиреныш даже решил, что станет биологом и откроет, как вылечить от вампиризма...

Потом я впервые убил вампира.

Потом Костя пошел в Дневной Дозор. Не знаю, окончил ли он свой биофак, но от детских иллюзий точно избавился...

И стал получать лицензии на убийство. За три года подняться до уровня Высшего вампира? Это ему должны были помочь. Использовать все возможности Дневного Дозора, чтобы хороший парень Костя раз за разом получал право вонзить клыки в человеческую шею...

И я даже догадываюсь, кто ему помог.

– Как ты думаешь, Антон, – сказал Гесер, – кого в данной

ситуации стоит назначить дознавателем с нашей стороны?

Я вынул из кармана телефон и набрал номер Светланы.

Глава 2

В нашем деле редко доводится работать под прикрытием. Во-первых, надо полностью замаскировать свою природу Иного. Так, чтобы тебя не выдавала ни аура, ни потоки Силы, ни возмущения в Сумраке. И тут уж расклад прост – если ты маг пятого уровня, то тебя не обнаружат более слабые маги – шестого и седьмого уровня. Если ты маг первого уровня – то закрыт от второго уровня и ниже. Если ты маг вне категорий... что ж, тогда можно надеяться, что тебя не узнает никто.

Меня маскировал сам Гесер. Сразу после разговора со Светланой – разговора короткого, но тягостного. Мы не поругались, нет. Она просто *очень* расстроилась.

А во-вторых, тебе нужна легенда. Проще всего обеспечить легенду магическими методами – незнакомые люди с готовностью сочтут тебя братом, сватом или армейским другом, с которым вместе ходили в самоволку и пили бражку. Но любое магическое прикрытия оставит следы, заметные для более или менее сильного Иного.

Поэтому моя легенда ничего общего с магией не имела. Гесер вручил мне ключи от квартиры в «Ассоли» – сто пятьдесят метров на восьмом этаже. Квартира была оформлена на мое имя и куплена полгода назад. Когда я сделал большие глаза, Гесер пояснил, что документы выписаны сегодня

утром, но задним числом. За большие деньги. И что квартиру позже придется вернуть.

Ключ от «BMW» я получил просто в довесок. Машина была не новой и не самой роскошной, но ведь и квартирка у меня маленькая.

Потом в кабинет пришел портной – грустный старенький еврей, Иной седьмого уровня. Он обмерил меня и пообещал, что к вечеру костюм будет готов и «этот мальчик станет похож на человека». Гесер с портным был предельно вежлив, сам открыл ему дверь, потом проводил в приемную, а прощаясь, робко спросил, как там его «пальтишко». Портной сказал, что волноваться не стоит и к холодам пальто, достойное Пресветлого Гесера, будет готово.

После этих слов я не особенно обрадовался разрешению оставить себе костюм насовсем. Видимо, настоящие, монументальные вещи портной за полдня не шил.

Галстуками меня обеспечил сам Гесер. И даже научил особо модному узлу. После чего выдал пачку ассигнаций, дал адрес магазина и велел купить себе все остальное соответствующего уровня – включая белье, носовые платки и носки. В качестве консультанта мне был предложен Игнат – наш маг, которого в Дневном Дозоре называли бы инкубом. Или суккубом – ему это почти безразлично.

Прогулка по бутикам, где Игнат чувствовал себя будто рыба в воде, меня развлекала. А вот посещение парикмахерской, точнее – «Салона красоты», вымотало до предела. Ме-

ня поочередно осматривали две женщины и парень, косивший под голубого, хотя он таковым и не являлся. Все долго вздыхали и высказывали в адрес моего парикмахера нелестные пожелания. Исполнились они – и парикмахеру было бы суждено остаток лет остригать шерсть с плешивых баранов. Причем почему-то в Таджикистане. Видимо, это было самым страшным парикмахерским проклятием... я даже решил после задания заглянуть в парикмахерскую второй категории, где стригся последний год, и проверить, не навесили ли мужику инферно.

Коллективный разум специалистов по красоте решил, что спасти меня может только стрижка под расческу. Как у мелкого бандита, обирающего торговцев на рынке. В утешение сказали, что лето обещают жаркое и с короткой стрижкой будет комфортно.

После стрижки, занявшей больше часа, меня подвергли маникюру и педикюру. Потом довольный Игнат отвез меня к стоматологу, который специальной насадкой снял с зубов камень и посоветовал повторять эту процедуру каждые полгода. Зубы после процедуры стали будто голые, даже языком неприятно касаться. Так что на двусмысленную реплику Игната: «Антон, да в тебя теперь влюбиться можно!» я не нашел достойного ответа, что-то невразумительно промычал и всю обратную дорогу в офис служил мишенью его незатейливого остроумия.

Костюм меня уже ждал. И портной, недовольно бурча-

щий, что шить без второй примерки – все равно что жениться по залету.

Не знаю. Если бы все браки по залету были так удачны, как этот костюм, то количество разводов сошло бы на нуль.

Гесер еще потолковал с портным о своем пальто. Они долго и жарко спорили о пуговицах, пока Пресветлый маг не капитулировал. А я стоял у окна, глядел на вечеряющую улицу и помаргивающий огонек сигнализации на «своей» машине.

Не украли бы тачку... Магическую защиту, отпугивающую воришек, я навесить не могу. Она меня будет выдавать лучше, чем Штирлица из анекдота – волочащийся сзади парашют.

Ночевать мне сегодня предстояло в новой квартире. И при этом делать вид, что я в ней – не первый раз. Хорошо хоть, дома никто не ждет. Ни жена, ни дочка, ни кошечка-собачка... даже рыбок в аквариуме не завел. И правильно сделал...

– Ты понял свою задачу, Городецкий? – спросил Гесер. Пока я тосковал у окна, портной успел уйти. В новом костюме было на удивление уютно. Даже несмотря на короткую стрижку, я ощущал себя не потрошителем челноков, а кем-нибудь более серьезным. К примеру – сборщиком оброка с маленьких магазинов.

– Поселиться в «Ассоли». Общаться с соседями. Искать следы Иного-отступника и его потенциального клиента. При обнаружении – доложить. При встрече с прочими дознава-

телями вести себя корректно, обмениваться информацией, идти на сотрудничество.

Гесер встал рядом со мной у окна. Кивнул:

– Все так, Антон, все так... Только самое главное ты упустил.

– Да? – спросил я.

– Ты не должен придерживаться никаких версий. Даже самых вероятных... тем более – самых вероятных! Иной может быть вампиром или оборотнем... а может и не быть.

Я кивнул.

– Он может быть Темным, – сказал Гесер. – А может оказаться и Светлым.

Я ничего не сказал. Эта мысль тоже приходила мне в голову.

– И самое главное, – добавил Гесер. – «Собирается сделать этого человека Иным». Это может быть блеф.

– А может и не быть? – спросил я. – Гесер, так все-таки есть возможность превратить человека в Иного?

– Неужели ты думаешь, что я скрывал бы такое? – спросил Гесер. – Сколько разбитых судеб Иных... сколько прекрасных людей, обреченных прожить лишь свой короткий век... Никогда и ничего подобного не происходило. Но все когда-нибудь случается в первый раз.

– Тогда я буду считать, что это возможно, – сказал я.

– Никаких амулетов я тебе дать не могу, – посетовал Гесер. – Сам понимаешь. И от использования магии тебе луч-

ше воздерживаться. Единственное, что допустимо, – смотреть сквозь Сумрак. Но если возникнет необходимость – мы придем быстро. Только позови.

Он помолчал и добавил:

– Я не жду никаких боевых столкновений. Но ты должен их ждать.

Никогда мне не приходилось парковаться в подземные гаражи. Хорошо хоть, машин было немного, бетонные пандусы заливал яркий свет, а охранник, сидящий за мониторами внутреннего наблюдения, любезно указал, где находятся боксы для моих машин.

Оказывается, предполагалось, что машин у меня как минимум две.

Припарковавшись, достав из багажника сумку с вещами и поставив машину на сигнализацию, я направился к выходу. И был встречен удивленным вопросом охранника – неужели лифты не работают? Пришлось морщить лоб, махать рукой и объяснять, что с год тут не появлялся.

Охранник поинтересовался корпусом и этажом, на котором я обитаю, после чего проводил к лифту.

В окружении хрома, зеркал и кондиционированного воздуха я вознесся на восьмой этаж. Даже обидно, что так низко живу. Нет, я не претендую на пентхауз, но все-таки...

На лестничной площадке – если этот скучный термин подходит к холлу площадью метров тридцать квадратных – я

некоторое время бродил между дверями. Сказка неожиданно кончилась. Одной двери не оказалось вообще, за пустым проемом темнело гигантское пустое помещение – бетонные стены, бетонный пол, никаких внутренних перегородок. Едва слышно капала вода.

Выбирать между тремя уже установленными дверьми пришлось долго – номеров на них не оказалось. В конце концов я обнаружил на одной двери накарябанный чем-то острым номер, на другой – остатки надписи мелом. Похоже, моя дверь была третьей. Самой невзрачной из всех. С Гесера станется отрядить меня и в ту квартиру, где дверей не было вообще, но тогда вся легенда летела к чертям...

Я извлек связку ключей и довольно легко открыл дверь. Поискал выключатель, нашел целое стойбище тумблеров.

И принялся включать их поодиночке.

Когда квартира наполнилась светом, я закрыл дверь и задумчиво огляделся.

Нет, что-то в этом есть. Наверное.

Прежний владелец квартиры... ну ладно, ладно, по легенде это я и есть. Так вот, начиная ремонт, я, очевидно, был полон наполеоновских планов. Чем еще объяснить штучный художественный паркет, дубовые окна, кондиционеры «Дайкин» и прочие атрибуты очень хорошего жилья?

А далее, вероятно, у меня кончились деньги. Потому что огромная квартира-студия – никаких внутренних стен – была девственно пуста. В том углу, где предполагалась кух-

ня, стояла покосившаяся газовая плита «Брест», на которой вполне могли разогреть манную кашку в дни моего младенчества. Прямо на ее конфорках, будто намекая – «не пользуйся!» – примостилась простенькая микроволновка. Впрочем, над ужасной плитой нависала роскошная вытяжка. Рядом жалобно ютились два табурета и низенький сервировочный столик.

Повинуясь привычке, я разулся и прошел в кухонный угол. Холодильника не было, мебели тоже, но на полу стоял большой картонный ящик, наполненный снедью – бутылки с минералкой и спиртным, консервы, супчики в пакетах, сухарики в коробках. Спасибо, Гесер. Вот только если бы еще кастрюлей озаботились...

Из «кухни» я двинулся к дверям ванной комнаты. Не выставлять унитаза и джакузи на всеобщее обозрение у меня, видимо, ума хватило...

Я открыл дверь и оглядел ванную. Ничего, метров десять – двенадцать. Симпатичный бирюзовый кафель. Футуристического вида душевая кабина – даже предположить страшно, сколько такая стоит и что в нее напичкано.

А вот джакузи не было. Ванны вообще не было – только из угла торчали заглушенные водопроводные трубы. И еще...

Заметавшись по ванной, я убедился, что страшная догадка верна.

Унитаз здесь тоже не было!

Только забитая деревянным кляпом канализационная

труба.

Ну спасибо, Гесер!

Стоп, без паники, в таких квартирах не делают один санузел. Должен быть еще один – гостевой, детский, для прислуги...

Я выскочил в студию и действительно обнаружил еще одну дверь в углу, у самого входа. Предчувствия меня не обманули – это был гостевой санузел. Ванна здесь и не предполагалась, душевая кабинка была попроще.

Вместо унитаза нашлась еще одна заглушенная труба.

Беда.

Влип!

Нет, я понимаю, настоящие профессионалы не обращают внимания на такие мелочи. Если Джеймс Бонд и заходит в туалет, то только для того, чтобы подслушать чужой разговор или ухлопать затаившегося в смывном бачке злодея.

Но мне-то здесь жить!

Несколько секунд я был близок к тому, чтобы позвонить Гесеру и потребовать сантехника со всем необходимым оборудованием. А потом представил себе его реакцию.

Почему-то Гесер в моем воображении улыбался. Потом вздыхал и отдавал команду – после чего в «Ассоль» приезжал какой-нибудь самый главный сантехник Москвы и лично монтировал унитаз. А Гесер улыбался и качал головой.

Маги его уровня не ошибаются по мелочам. Их ошибки – это пылающие города, кровавые войны и импичменты пре-

зидентов. Но никак не забытые бытовые удобства.

Если в моей квартире нет унитаза, значит, так и должно быть.

Я снова обследовал свое жизненное пространство. Нашел свернутый в рулон матрас и упаковку с постельным бельем веселенькой расцветки. Расстелил матрас, распаковал сумку со своими вещами. Переоделся в свои джинсы и футболку с оптимистической надписью про клиническую смерть – ну не ходить же в галстук по квартире! Достал ноутбук... кстати, что мне, через мобильник в Интернет выходить?

Пришлось устроить в квартире еще один обыск. Подключение к сети нашлось в стене большой ванной комнаты, хорошо еще, со стороны студии. Я решил, что это неспроста, и заглянул в ванную. Так и есть – рядом с несуществующим унитазом была еще одна сетевая розетка.

Странные были у меня вкусы, когда я делал ремонт...

Сеть работала. Уже хорошо, но ведь я сюда не за тем приехал.

Чтобы хоть как-то разогнать давящую тишину, я открыл окна. В комнаты ворвался теплый вечер. За рекой светились окна домов – обычных, человеческих. И все та же тишина. Неудивительно, первый час ночи.

Я достал плеер. Порылся в дисках, выбрал «Белую гвардию» – группу, которая никогда не будет лидировать в хит-парадах MTV и собирать стадионы. Нацепил наушники и растянулся на матрасе.

Когда закончится это сраженье
И если ты доживешь до рассвета,
Тебе станет ясно, что запах победы
Такой же едкий, как дым поражения.
А ты один, средь остывшей сечи,
И нет врагов у тебя отныне,
Но небо давит тебе на плечи,
И что же делать в этой пустыне?
Но ты будешь ждать,
Что принесет
Время,
Ты будешь ждать...
И мед покажется горше соли,
Слеза – полыни степной не слаще,
И я не знаю сильнее боли,
Чем быть живым среди многих спящих.
Но ты будешь ждать,
Что принесет
Время,
Ты будешь ждать...

Поймав себя на том, что пытаюсь немелодично подпевать тихому женскому голосу, я стянул наушники, выключил плеер. Нет. Я сюда не бездельничать приехал.

Что на моем месте предпринял бы Джеймс Бонд? Нашел таинственного Иного-предателя, его клиента-человека и автора подметного письма.

А что предприму я?

Буду искать то, что мне просто жизненно необходимо! В конце концов, внизу, у охраны, должны быть удобства...

Где-то за окном, казалось – совсем рядом, тяжело взывала бас-гитара. Я вскочил, но в квартире никого не обнаружил.

– Здорово, братва! – разнеслось за окнами. Я перегнулся через подоконник, окинул взглядом стену «Ассоли». И обнаружил на два этаже выше открытые окна, из которых и доносились блатные аккорды в неожиданном переложении для бас-гитары.

Давно я не давил кишки наружу,
Давным-давно кишки наружу не давил,
И вот совсем недавно обнаружил,
Что я давно кишки наружу не давил.
А ведь бывало я как выдавлю наружу!
Никто из наших так наружу не давил!
И я тогда один за всех давил наружу,
За всех наружу я тогда один давил!

Невозможно было даже представить больший контраст, чем тихий голос Зои Яценко, солистки «Белой гвардии», и этот немислимый шансон на бас-гитаре. Но песня почему-то мне нравилась. А певец, исполнив проигрыш на трех аккордах, стал сокрушаться дальше:

Бывает, щас я иногда давлю наружу,

Но это щас, совсем не как тогда.
Совсем не так мне давится наружу,
Давить, как раньше, я не буду никогда...

Я захохотал. Все атрибуты блатных песен присутствовали – лирический герой вспоминал дни былой славы, описывал свое нынешнее состояние и сокрушался, что былого великолепия ему уже не добиться.

И было у меня сильное подозрение, что если прокрутить эту песенку по «Радио Шансон», то девяносто процентов слушателей даже не заподозрят насмешки.

Гитара издала несколько вздохов. И тот же голос запел новую песню:

Никогда в психушке не лечился,
Ты меня не спрашивай о ней...

Музыка прервалась. Кто-то печально вздохнул и принялся перебирать струны.

Я больше не колебался. Порылся в картонной коробке, достал бутылку водки и батон копченой колбасы. Выскочил на площадку, захлопнул дверь и двинулся вверх по лестнице.

Найти квартиру полуночного барда оказалось не сложнее, чем обнаружить спрятанный в кустах отбойный молоток.

Включенный отбойный молоток.

Перестали птички петь,

Красно солнышко не светит,
У помойки во дворе
Не резвятся злые дети...

Я позвонил, совершенно не уверенный, что меня услышат. Но музыка прервалась, а через полминуты дверь открылась.

На пороге, добродушно улыбаясь, стоял невысокий коренастый мужчина лет тридцати. В руках он держал орудие преступления – бас-гитару. С каким-то мрачным удовлетворением я заметил, что он тоже стрижен «под бандита». На барде были заношенные джинсы и очень занятная футболка – десантник в русском обмундировании огромным ножом перерезал горло негру в американской форме. Ниже шла гордая надпись: «Мы можем напомнить, кто выиграл Вторую мировую войну!»

– Тоже ничего, – глядя на мою футболку, сказал гитарист. – Давай.

Забрав водку и колбасу, он двинулся в глубь своей квартиры.

Я посмотрел на него сквозь Сумрак.

Человек.

И такая перемешанная аура, что я с ходу отказался от попыток понять его характер. Серые, розовые, красные, синие тона... ничего себе коктейль.

Я двинулся за гитаристом.

Квартира у него оказалась раза в два больше моей. Ох не игрой на гитаре он на нее заработал... Впрочем, это не мое дело. Куда смешнее, что, кроме размера, квартира выглядела точной копией моей. Начальные следы великолепного ремонта, спешно свернутого, а отчасти и не доведенного до конца.

Посреди чудовищного жилого пространства – пятнадцать на пятнадцать метров, не меньше, стоял стул, перед ним – микрофон на штанге, хороший профессиональный усилитель и две чудовищные колонки.

А еще у стены стояли три огромных холодильника «Бош». Гитарист открыл самый большой – тот оказался абсолютно пустым, и поместил бутылку водки в морозилку. Пояснил:

– Теплая.

– Холодильником не обзавелся, – сказал я.

– Бывает, – согласился бард. – Лас.

– Чего «лас»? – не понял я.

– Зовут меня так. Лас. Не по паспорту.

– Антон, – представился я. – По паспорту.

– Бывает, – признал бард. – Издалека пришел?

– На восьмом живу, – объяснил я.

Лас задумчиво почесал затылок. Посмотрел на открытые окна, пояснил:

– Я открыл, чтобы не так громко было. А то уши не выдерживают. Собирался тут звукоизоляцию делать, но деньги кончились.

– Это, похоже, общая беда, – осторожно сказал я. – У меня даже унитаза нет.

Лас торжествующе улыбнулся:

– У меня есть. Уже неделю, как есть! Вон та дверь.

Вернувшись – Лас меланхолично нарезал колбасу, – я не удержался и спросил:

– А почему такой огромный и такой английский?

– Ты фирменную наклейку на нем видел? – спросил Лас. – «Мы придумали первый унитаз». Ну как его не купить, за такую надпись-то? Я все собираюсь наклейку отсканировать и чуть-чуть подправить. Написать: «Мы первыми догадались, зачем людям...»

– Понял, – сказал я. – Зато у меня установлена душевая кабина.

– Правда? – Бард поднялся. – Три дня помыться мечтаю... Я протянул ему ключи.

– Ты пока закуску организуй, – радостно сказал Лас. – Все равно водке еще минут десять стыть. А я быстро.

Хлопнула дверь, и я остался в чужой квартире – наедине с включенным усилителем, нарезанной колбасой и огромными пустыми холодильниками.

Ну и дела!

Никогда не думал, что в таких домах могут существовать непринужденные отношения дружной коммунальной квартиры... или студенческого общежития.

Ты воспользуйся моим унитазом, а я помоюсь в твоей

джакузи... А у Петра Петровича есть холодильник, а Иван Иванович обещал водки принести – он ею торгует, а Семен Семеныч закуску режет очень аккуратно, бережно...

Наверное, большинство здешних жильцов покупали квартиры «на века». На все деньги, что только сумели заработать, украсть и занять.

А только потом счастливые жильцы сообразили, что квартира подобных размеров нуждается еще и в ремонте. И что с человека, купившего здесь жилье, любая строительная фирма сдерет три шкуры. И что за огромный метраж, подземные гаражи, парк и набережные надо ежемесячно платить.

Вот и стоит огромный дом полупустым, едва ли не заброшенным.

Понятно, что это не трагедия – если у кого-то жемчуг мелок. Но первый раз я воочию убедился, что это по меньшей мере трагикомедия.

Сколько же всего человек реально живут в «Ассоли»? Если на ночной рев бас-гитары пришел только я один, а до этого странный бард совершенно спокойно шумел?

Один человек на этаж? Похоже, что и меньше...

Кто же тогда отправил письмо?

Я попробовал представить себе Ласа, маникюрными ножничками вырезающего буквы из газеты «Правда». Не получилось. Такой придумал бы что-нибудь позатейливее.

Я закрыл глаза. Представил, как серая тень от век ложится на зрачки. Потом открыл глаза и осмотрел квартиру сквозь

Сумрак.

Ни малейших следов магии. Даже на гитаре – хотя хороший инструмент, побывавший в руках Иного или потенциального Иного, помнит его касание годами.

И синего мха, сумеречного паразита, жирующего на негативных эмоциях, тоже не наблюдается. Если хозяин квартиры и впадал в депрессии, то делал это вне дома. Или – очень искренне и открыто веселился, выжигая этим синий мох.

Тогда я сел и принялся дорезать колбасу. На всякий случай проверив сквозь Сумрак, стоит ли ее вообще есть.

Колбаса оказалась хорошей. Гесеру не хотелось, чтобы его агент слег с отравлением.

– Вот это правильная температура, – извлекая из открытой бутылки винный термометр, сказал Лас. – Не передержали. А то охладят водку до консистенции глицерина, пьешь, будто жидкий азот глотаешь... За знакомство!

Мы выпили и закусили колбасой с сухариками. Сухарики принес Лас из моей квартиры – объяснив, что едой он сегодня совсем не озаботился.

– Весь дом так живет, – пояснил он. – Нет, есть, конечно, и такие, кому денег и на ремонт хватило, и на обстановку. Только представь, что за удовольствие жить в пустом доме? Вот они и ждут, пока мелкая шантрапа вроде нас с тобой ремонт закончит и заселится. Кафе не работают, казино пустует, охрана со скуки бесится... вчера двоих выгнали – устро-

или тут во дворе стрельбу по кустам. Говорили, что увидели что-то ужасное. Ну... их сразу к врачам. Оказалось и впрямь – оба ужасно обкурились.

С этими словами Лас достал из кармана пачку «Беломора». Хитро посмотрел на меня:

– Будешь?

Не ожидал я, что человек, с таким вкусом разливавший водку, балуется марихуаной...

Я покачал головой, спросил:

– И много куришь?

– Уже вторая пачка сегодня, – вздохнул Лас. И тут до него дошло. – Ты чего, Антон! Это «Беломор»! Это не дурь! Я раньше «Жиган» курил, а потом понял – ведь ничем не отличается от нашего «Беломора»!

– Оригинально, – сказал я.

– Да при чем тут это? – обиделся Лас. – Вовсе я не оригинальничаю. Вот стоит почему-то человеку стать иным...

Я вздрогнул, но Лас спокойно продолжал:

– ...не таким, как все, сразу говорят – оригинальничает. А мне нравится курить «Беломор». Через неделю надоест – брошу!

– Нет ничего плохого в том, чтобы быть Иным, – бросил я пробный шар.

– Стать по-настоящему иным – сложно, – ответил Лас. – Вот я пару дней назад подумал...

Я снова насторожился. Письмо отправили два дня назад.

Неужели все так удачно сложилось?

– Был в одной больничке, пока приема ждал – все прейскуранты перечитал, – не подозревая западни, продолжал Лас. – А у них там все серьезно, делают титановые протезы взамен утраченных конечностей. Кости берцовые, суставы коленные и тазобедренные, челюсти... Заплатки на череп вместо потерянных костей, зубы, прочая мелочь... Я достал калькулятор и посчитал, сколько стоит полностью заменить себе все кости. Оказалось – один миллион семьсот тысяч баксов. Но я думаю, что на таком оптовом заказе можно получить хорошую скидку. Процентом двадцать – тридцать. А если убедить врачей, что это хорошая реклама, так и в полмиллиона можно уложиться!

– Зачем? – спросил я. Спасибо парикмахеру, волосы у меня дыбом не встали – нечему было вставать.

– Так интересно же! – объяснил Лас. – Представь, надо тебе забить гвоздь! Ты размахиваешься и бьешь кулаком по гвоздю! И он входит в бетон. Кости-то титановые! Или тебя пытаются ударить... Нет, конечно, имеется ряд недостатков. Да и с искусственными органами пока плохо. Но общее направление прогресса меня радует.

Он налил еще по рюмке.

– А мне кажется, что прогресс в другом направлении, – продолжил я гнуть свою линию. – Надо полнее использовать возможности организма. Ведь сколько удивительного в нас скрыто! Телекинез, телепатия...

Лас погрустнел. Я тоже так мрачною, наталкиваясь на идиота.

– Ты мои мысли прочесть можешь? – спросил он.

– Сейчас – нет, – признался я.

– Я думаю, что не надо придумывать лишних сущностей, – объяснил Лас. – Все, что человек может, давно уже известно. Если бы люди могли читать мысли, левитировать и прочую ерунду творить – имелись бы тому свидетельства.

– Если человек вдруг овладеет такими способностями, то он будет таиться от окружающих, – сказал я и посмотрел на Ласа сквозь Сумрак. – Быть настоящим Иным – значит вызывать зависть и страх окружающих.

Ни малейшего волнения Лас не обнаружил. Только скептицизм.

– И что же, чудотворец не захочет любимой женщине и детишкам такие же способности обеспечить? Постепенно они бы нас вытеснили как биологический вид.

– А если особые способности не передаются по наследству? – спросил я. – Ну или не обязательно передаются. И другому их передать тоже нельзя? Тогда будут независимо существовать люди и Иные. Если этих Иных немного, то они будут таиться от окружающих...

– Сдается мне, что ты ведешь речь о случайной мутации, которая приводит к экстрасенсорным способностям, – рассудил Лас. – Но если эта мутация случайная и рецессивная, то никакого интереса для нас она не представляет. А вот ти-

тановые кости уже сейчас можно вмонтировать!

– Не надо, – буркнул я.

Мы выпили. Лас мечтательно произнес:

– Все-таки есть что-то в нашей ситуации! Огромный пустой дом! Сотни квартир – и в них живет девять человек... если вместе с тобой. Что тут можно творить! Дух захватывает! А какой фильм можно снять! Вот представь себе клип – роскошные интерьеры, пустые рестораны, мертвые прачечные, ржавеющие тренажеры и холодные сауны, пустые бассейны и затянутые пленкой столы в казино. И по всему этому великолепию бредет молоденькая девочка. Бредет и поет. Не важно даже что.

– Снимаешь клипы? – насторожился я.

– Да нет... – Лас поморщился. – Так... разок одной знакомой панковской группе помог клип снять. Его по MTV прокрутили, но потом запретили.

– А что там было ужасного?

– Ничего особенного, – сказал Лас. – Песня как песня, совершенно цензурная, даже про любовь. Видеоряд был странный. Мы его снимали в больнице для лиц с нарушениями двигательных функций. Поставили стробоскопы в зале, включили песню «Есаул, есаул, что ж ты бросил коня» и позвали больных – танцевать. Они и танцевали под стробоскоп. Как могли. А потом на эту картинку мы новый звуковой ряд положили. Очень стильно вышло. Но показывать это и впрямь нельзя. Нехорошо как-то.

Я представил себе «видеоряд» – и меня передернуло.

– Плохой из меня клипмейкер, – признался Лас. – Да и музыкант... Один раз мою песню по радио прокрутили, глубокой ночью, в передаче для всяких отморожков. Что ты думаешь? Тут же позвонил на радио известный композитор, сказал, что он всю жизнь своими песнями учил людей доброму и вечному, но эта, единственная песня, перечеркнула труд всей его жизни... Вот ты вроде одну песню услышал – она плохому учит?

– По-моему, она издевается, – сказал я. – Над плохим.

– Спасибо, – грустно сказал Лас. – Но ведь в чем беда – многие не поймут. Решат, что это всерьез.

– Так решат дураки, – попытался я утешить непризнанного барда.

– Так их-то больше! – воскликнул Лас. – А протезы головы пока несовершенны...

Он потянулся за бутылкой, разлил водку, сказал:

– Ты заходи, если снова понадобится, не смущайся. А потом я тебе ключ от одной квартиры на пятнадцатом этаже достану. Квартира пустая, но унитазы стоят.

– Хозяин против не будет? – усмехнулся я.

– Ему уже все равно. А наследники все никак поделить площадь не могут.

Глава 3

К себе я вернулся в четыре утра. Слегка пьяный, но на удивление расслабившийся. Все-таки настолько иные *люди* встречаются нечасто. Работа в Дозоре приучает к излишней прямолинейности. Этот не курит и не пьет, он хороший мальчик. А этот ругается матом, он плохой. И ничего не поделать, нас в первую очередь интересуют именно такие – хорошие как опора, плохие – как потенциальный источник Темных.

Но то, что люди бывают очень разными, мы как-то забываем...

Бард об Иных ничего не знал. В этом я был уверен. И если бы мне довелось вот так посидеть полночи с каждым обитателем «Ассоли» – я составил бы точное мнение о каждом.

Но подобных иллюзий я не строил. Не каждый предложит войти, не каждый станет разговаривать на отвлеченные темы. А ведь кроме десяти жильцов, есть еще сотни людей обслуживающего персонала – охранники, сантехники, рабочие, бухгалтеры. Мне не хватит никаких разумных сроков, чтобы проверить всех!

Умывшись в душевой кабине – в ней нашелся какой-то странный шланг, из которого можно было струйкой пускать воду, я вышел в свою единственную комнату. Надо поспать... а завтра с утра попытаться придумать новый план.

– Привет, Антон, – донеслось от окна.

Я узнал голос. И мне сразу стало тоскливо.

– Доброй ночи, Костя, – сказал я. Как-то неуместно прозвучало слово «доброй». Но пожелать вампиру злой ночи было бы еще глупее.

– Могу я зайти? – спросил Костя.

Я подошел к окну. Костя сидел на подоконнике спиной ко мне, свесив ноги вниз. Он был совершенно голый. Будто сразу демонстрировал – не по стене влез, а прилетел к окну огромной летучей мышью.

Высший вампир. В двадцать с небольшим лет.

Способный мальчик...

– Думаю, что нет, – сказал я.

Костя кивнул и не стал спорить:

– Как я понимаю, мы делаем одно дело?

– Да.

– Это хорошо. – Костя повернулся, белозубо улыбнулся. – Мне приятно с тобой работать. А ты и впрямь меня боишься?

– Нет.

– Я многому научился, – похвастался Костя. Совершенно как в детстве, когда заявлял: «Я страшный вампир! Я научусь оборачиваться нетопырем! Я научусь летать!»

– Ты не научился, – поправил я его. – Ты многое украл.

Костя поморщился:

– Слова. Обычная светлая игра словами. Вы позволили –

я взял. Какие претензии?

– Будем пикироваться дальше? – спросил я. И поднял руку, складывая пальцы в знаке Атон, отрицании не-живого. Давно собирался проверить, работают ли древние североафриканские заклятия на современную российскую нечисть.

Костя с опаской посмотрел на незавершенный знак. То ли знал о таком, то ли повеяло Силой. Спросил:

– А тебе разрешено демаскироваться?

Я с досадой опустил руку.

– Нет. Но я могу и рискнуть.

– Не надо. Скажешь – сам уйду. Но сейчас мы делаем одно дело... надо поговорить.

– Говори, – подтаскивая к окну табуретку, сказал я.

– Значит, непустишь?

– Не хочу оказаться ночью наедине с голым мужиком, – усмехнулся я. – Мало ли чего подумают. Излагай.

– Как тебе собиратель футболок?

Я вопросительно посмотрел на Костю.

– Тот, с десятого этажа. Он футболки с забавными надписями собирает.

– Он не в курсе, – сказал я.

Костя кивнул:

– Тоже так считаю. Тут заселены восемь квартир. Еще в шести жилцы появляются время от времени. В остальных – очень редко. Я уже проверил всех постоянных жильцов.

– Ну и?..

– Пусто. Они ничего не знают о нас.

Я не стал уточнять, откуда у Кости такая уверенность. В конце концов, он Высший вампир. Такие способны входить в чужой разум с легкостью опытного мага.

– Остальными шестью займусь с утра, – сказал Костя. – Но особых надежд у меня нет.

– А предположения имеются? – спросил я.

Костя пожал плечами:

– Любой здесь живущий имеет достаточно денег и влияния, чтобы заинтересовать вампира или оборотня.

Слабенького, жадного... из новообращенных. Так что круг подозреваемых не ограничен.

– Сколько сейчас в Москве новообращенных низших Темных? – спросил я. И сам поразился тому, как легко у меня прозвучало «низших Темных».

Раньше я никогда их так не называл.

Жалел.

Костя на мою фразу отреагировал спокойно. И впрямь – Высший вампир. Сдержанный, уверенный в себе.

– Немного, – уклончиво сказал он. – Их проверяют, не беспокойся. Всех проверяют. И низших Иных, и даже магов.

– Завулон разволновался? – спросил я.

– Гесер тоже не образец спокойствия, – усмехнулся Костя. – Всем неприятно. Ты один легко относишься к ситуации.

– Не вижу особой беды, – сказал я. – Есть люди, знающие

о нашем существовании. Их мало, но они есть. Еще один человек ситуации не меняет. Поднимет шум – мы его быстро локализуем и выставим психически больным. Такое уже...

– А если он станет Иным? – резко спросил Костя.

– Будет одним Иным больше. – Я пожал плечами.

– Если он станет не вампиром, не оборотнем, а настоящим Иным? – Костя оскалился в улыбке. – Настоящим? Светлым, Темным... не важно.

– Будет одним магом больше, – снова сказал я.

Костя покачал головой:

– Слушай, Антон. Я к тебе хорошо отношусь. До сих пор. Но иногда поражаюсь – какой же ты наивный...

Он потянулся – его руки стремительно обрастали короткой шерсткой, кожа темнела и грубела.

– Займись прислужгой, – сказал Костя тонким, пронзительным голосом. – Что-то почувешь – звони.

Повернув ко мне искаженное трансформацией лицо, он снова улыбнулся:

– Знаешь, Антон, только с таким наивным Светлым и мог подружиться Темный...

Он прыгнул вниз, тяжело хлопнули кожистые крылья. Немного неуклюже, но все-таки быстро огромная летучая мышь полетела в ночь.

На подоконнике остался белый прямоугольник визитной карточки. Я поднял его, прочитал:

«Константин. Научно-исследовательский институт про-

блем крови, младший научный сотрудник».

Дальше шли телефоны – рабочий, домашний, мобильный. Домашний я даже помнил – Костя все еще жил с родителями. У вампиров семейные узы вообще крепки.

Что он имел в виду?

Откуда такая паника?

Я выключил свет, лег на матрас, посмотрел на сереющие квадраты окон.

«Если он станет настоящим Иным...»

Как появляются на свет Иные? Никто не знает. «Случайная мутация», как выразился Лас, вполне адекватный термин. Ты родился человеком, ты жил обычной жизнью... пока кто-то из Иных не почувствовал в тебе способность входить в Сумрак и качать оттуда Силу. После этого тебя «повели». Бережно, осторожно подводя к нужному состоянию духа – чтобы в момент сильного эмоционального волнения ты посмотрел на свою тень – и увидел ее по-другому. Увидел, что она лежит будто черная тряпица, будто завеса – которую можно потянуть на себя, отдернуть и войти в иной мир.

В мир Иных.

В Сумрак.

И оттого, каким ты впервые окажешься в Сумраке – радостным и добрым или несчастным и злым, – зависит, кем ты станешь. Какую Силу ты в дальнейшем будешь выкачивать из Сумрака... Сумрака, пьющего Силу из обычных людей.

«Если он станет настоящим Иным...»

Всегда есть возможность принудительной инициации. Но только через утрату жизни, через превращение в бодренький ходячий труп. Человек может стать вампиром или оборотнем – и будет вынужден поддерживать свое существование человеческими жизнями. Так что это путь для Темных... да и те не особо его любят.

А если и впрямь возможно стать магом?

Если существует способ любому человеку превратиться в Иного? Обрести долгую, очень долгую жизнь, необычайные возможности? Многие захотят, без сомнения.

Да и мы будем не против. Сколько на свете живет прекрасных людей, достойных стать Светлыми Иными!

Вот только и Темные начнут наращивать свои ряды...

Меня вдруг озарило. Беда не в том, что кто-то раскрыл человеку наши тайны. Беда не в возможности утечки информации. Беда не в том, что предатель знает адрес Инквизиции.

Это же новый виток вечной войны!

Уже столетия Светлые и Темные скованы Договором. Мы вправе искать среди людей Иных, вправе даже подталкивать их к нужной стороне... к той, которую считаем правильной. Но мы вынуждены просеивать тонны песка в поисках золотых песчинок. Равновесие сохраняется.

И вдруг – возможность разом превратить тысячи, миллионы людей в Иных!

Футбольная команда выигрывает кубок – и по десяткам тысяч ликующих людей проходит магический удар, превра-

щая их в Светлых Иных.

А рядом Дневной Дозор отдает приказ болельщикам проигравшей команды – и те превращаются в Темных Иных.

Вот что имел в виду Костя. Огромное искушение разом изменить баланс сил в свою сторону. Конечно, и Темные, и мы понимаем последствия. Конечно, обе стороны заключат новые уточнения к Договору и ограничат инициацию людей какими-то приемлемыми рамками. Сумели же США и СССР ограничить гонку ядерных вооружений...

Я закрыл глаза и покачал головой. Как-то Семен рассказал мне, что гонку вооружений остановило создание абсолютно-го оружия. Двух – а больше и не надо – термоядерных зарядов, вызывающих самоподдерживающуюся реакцию ядерного синтеза. Американский заложен в Техасе, российский – в Сибири. Достаточно подорвать хотя бы один – и вся планета превратится в огненный шар.

Другое дело, что нас такой расклад не устраивает. И поэтому оружие, которое никогда не должно быть использовано, никогда не сработает. Президентам про это знать не обязательно, они всего лишь люди...

Возможно, что и у руководства Дозоров есть подобные «магические бомбы»? Потому Инквизиция, допущенная к тайне, так яростно следит за соблюдением Договора?

Может быть.

Но все равно лучше бы обыкновенных людей нельзя было инициировать...

Даже в полусне я болезненно скривился от собственной мысли. Это что же, значит, я стал думать, как полноценный Иной? Есть Иные, а есть люди – они второго сорта. Им никогда не войти в Сумрак, они не проживут больше сотни лет. Ничего не поделаешь...

Да, я стал думать именно так. Найти хорошего человека с задатками Иного, привлечь его на свою сторону – это радость. Но делать Иными всех подряд – мальчишество, опасная и безответственная блажь.

Есть повод для гордости. Мне не потребовалось и десятка лет, чтобы окончательно перестать быть человеком.

Утро для меня началось с постижения тайн душевой кабины. Разум победил бездушное железо, я вымылся, и даже под музыку, а потом соорудил себе завтрак из сухариков, колбасы и йогурта. При свете солнца у меня поднялось настроение, я уселся на подоконник и позавтракал с видом на Москву-реку. Почему-то вспомнилось, как Костя признался, что вампиры не могут смотреть на солнце. Солнечный свет их вовсе не обжигает, но становится неприятным.

Но вдаваться в печальные размышления о судьбе моих старых знакомых не было времени. Надо было искать... кого? Иного-предателя? Для этого у меня не самая лучшая позиция. Его клиента-человека? Долгое и мутное дело.

Хорошо, решил я. Будем действовать по строгим законам классического детектива. Что у нас есть? А есть у нас улика.

Письмо, отправленное из «Ассоли». Что это нам дает? Ничего не дает. Разве что кто-нибудь видел, как три дня назад отправляли письмо. Мало шансов, что вспомнят, конечно...

Какой же я дурак! Я даже хлопнул себя по лбу. Разумеется, Иному забыть о современной технике не зазорно, не любят Иные сложную технику. Но я-то железячник!

Территория «Ассоли» вся контролируется видеокамерами!

Я надел костюм и повязал галстук. Брызнулся одеколоном, который мне вчера выбрал Игнат. Опустил телефон во внутренний карман... «мобильники на поясе носят мальчишки и продавцы!», как поучал меня вчера Гесер.

Мобильник тоже был новый, непривычный. В нем были какие-то игры, встроенный плеер, диктофон и прочая совершенно ненужная в телефоне ерунда.

В прохладной тишине новенького «Отиса» я спустился в вестибюль. И сразу же увидел своего ночного знакомого – вот только выглядел он более чем странно...

Лас, одетый в новенький синий комбинезон с гордой надписью «Ассоль» на спине, что-то объяснял смущенному пожилому мужчине в таком же комбинезоне. До меня донеслось:

– Это тебе не метла, понимаешь? Там стоит компьютер, он показывает уровень загрязнения асфальта и давление моющего раствора... Сейчас покажу...

Ноги сами понесли меня вслед за ними.

Во дворе, перед входом в подъезд, стояли две ярко-оранжевые уборочные машины – с бачком воды, круглыми щетками, маленькой стеклянной кабиной водителя. Было в машинках что-то игрушечное, будто приехали они прямиком из Солнечного Города, где веселые малыши и малышки радостно чистят свои миниатюрные проспекты.

Лас ловко забрался в кабину одной из машин, следом наполовину всунулся пожилой мужчина. Что-то выслушал, кивнул и пошел ко второму оранжевому агрегату.

– А будешь лениться – так и проходишь всю жизнь в младших дворниках! – донеслись до меня слова Ласа. Его машина тронулась, бодро завертела щетками и принялась кружить по асфальту. И без того чистый двор на глазах приобретал стерильный вид.

Вот это да!

Он что, дворником в «Ассоли» работает?

Я попытался тихонько уйти назад, чтобы не смущать человека. Но Лас меня уже заметил и, радостно махая рукой, подъехал ближе. Щетки принялись работать тише.

– С добрым утречком! – крикнул Лас, высовываясь из кабины. – Хочешь прокатиться?

– Так ты здесь работаешь? – спросил я. У меня вдруг стали вырисовываться в сознании самые фантастические картины – вроде того, что Лас вовсе не живет в «Ассоли», а просто занял на время пустую квартиру. Ну не будет же обитатель таких хором чистить двор!

– Подрабатываю, – спокойно пояснил Лас. – Знаешь, очень клево! Часок утром поездишь по двору – вместо зарядки, а тебе еще и зарплату платят. Между прочим, неплохую!

Я безмолвствовал.

– Ты на аттракционах в парке любишь кататься? – поинтересовался Лас. – На всех этих багги, где за три минуты десять долларов надо платить? А тут деньги платят тебе. За твое же собственное удовольствие. Или, допустим, компьютерные игры... сидишь, дергаешь джойстик...

– Все зависит от того, заставляют ли тебя красить забор... – пробормотал я.

– Верно! – обрадовался Лас. – Вот меня – не заставляют. Мне двор убрать – в радость, как Льву Толстому сено покосить. Только за мной перебивать не надо – в отличие от графа, за которым крестьяне докашивали... я тут вообще на хорошем счету, регулярно премию получаю. Так что, кататься будешь? Я тебя и пристроить могу, если что. Профессиональные дворники никак не могут с этой техникой разобратся.

– Подумаю, – сказал я, разглядывая бодро крутящиеся щетки, брызгающую из никелированных сопел воду, сверкающую кабину. Кто из нас в детстве не хотел стать водителем поливальной машины? В раннем детстве, когда еще не мечтают о работе банкира или киллера...

– Ну смотри, а то мне работать надо, – дружелюбно сказал Лас. И машинка поехала по двору, сметая, смывая и всасы-

вая грязь. Из кабины донеслось:

Поколение дворников и сторожей
Потеряло друг друга в просторах бесконечной зимы...
Все разошлись по домам.
В наше время, когда каждый третий – герой,
Они не пишут статей,
Они не шлют телеграмм...

В некотором остоленении я вернулся в вестибюль. Узнал у охраны, где располагается собственное почтовое отделение «Ассоли». Отправился туда – почта работала. В уютном зале скучали три девочки-сотрудницы, стоял там и тот самый почтовый ящик, в который опустили письмо.

Под потолком поблескивали глазки видеокамер.
Все-таки не помешали бы нам профессионалы-следователи. Им бы сразу пришла эта мысль.

Я купил открытку – цыпленок, прыгающий в лотке инкубатора, и готовая надпись: «Скучаю по семье!» Не очень-то весело, но я все равно не помнил почтовый адрес деревни, где отдыхала моя семья. Так что открытку, злорадно улыбаясь, я отправил домой Гесеру – его адрес мне был известен.

Поболтав немножко с девчонками – работа в таком элитном доме и без того обязывала их быть вежливыми, но ко всему они еще и скучали, – я вышел из почтового отделения.

И пошел в отделение охраны на первом этаже.

Имей я право воспользоваться способностями Иного, я бы

просто внушил охране симпатию к себе и получил доступ ко всем видеозаписям. Но демаскироваться я не мог. И потому решил воспользоваться самым универсальным источником симпатии – деньгами.

Из выданных мне денег я набрал рублями сотню долларов – ну куда уж больше, верно? Зашел в дежурку – там скучал молодой парень в строгой форме.

– День добрый! – приветствовал я его, лучезарно улыбаясь.

Всем своим видом охранник изобразил полную солидарность с моим мнением о сегодняшнем дне. Я покосился на мониторы перед ним – туда шло изображение не менее чем с десятка телекамер. И наверняка он может вызвать повтор любого момента. Если изображение пишется на винчестер (а куда же еще?), то запись трехдневной давности могли еще не перевести в архив.

– У меня проблема, – сообщил я. – Мне вчера пришло забавное письмо... – я подмигнул, – от какой-то девицы. Она здесь и живет, как я понимаю.

– Письмо с угрозами? – насторожился охранник.

– Нет-нет! – запротестовал я. – Наоборот... Но таинственная незнакомка пытается сохранить инкогнито. Можно было бы посмотреть, кто три дня назад отправлял с почты письма?

Охранник задумался.

И тут я все испортил. Положил деньги на столик и сказал с улыбкой:

– Я был бы вам очень благодарен...

Парень сразу окаменел. Кажется, что-то нажал ногой.

И через десять секунд двое его коллег, очень вежливых, что смешно выглядело при их габаритах, настоятельно предложили мне пройти к начальству.

Все-таки есть разница, и серьезная, между общением с государственными чиновниками и частной охранной фирмой...

Интересно было проверить, поведут ли меня к начальству силой. Все-таки это не милиция. Но я предпочел не накалять обстановку и подчинился конвою в штатском.

Начальник охраны, человек уже в годах и явно вышедший из органов, смотрел на меня с укоризной.

– Что же вы, господин Городецкий... – крутя в пальцах мою карточку-пропуск на территорию «Ассоли», сказал он. – Словно в госконторе себя ведете, уж простите за выражение...

У меня возникло ощущение, что ему очень хочется сломать мой пропуск, вызвать охрану и велеть выгнать меня за элитную территорию.

Очень хотелось извиниться и сказать, что я больше не буду. Тем более что мне на самом деле было стыдно.

Вот только это было желание Светлого мага Антона Городецкого, а не владельца небольшой фирмы по торговле молочными продуктами господина А. Городецкого.

– Что, собственно говоря, произошло? – спросил я. – Если моя просьба невыполнима, так бы и сказали.

– А зачем деньги? – спросил начальник охраны.

– Какие деньги? – удивился я. – А... ваш сотрудник решил, что я ему предлагаю деньги?

Начальник охраны улыбнулся.

– Ни в коем случае! – твердо сказал я. – Полез в карман за носовым платком. Аллергия меня сегодня одолела. А в кармане всякая мелочь валялась, вот и выложил... но даже высморкаться не успел.

Кажется, я переборщил.

Начальник с каменным лицом протянул мне карточку и очень вежливо сказал:

– Инцидент исчерпан. Как вы понимаете, господин Городецкий, просмотр рабочих записей частными лицами запрещен.

Я почувствовал, что больше всего начальника задела фраза про «всякую мелочь». Они тут, конечно, не бедствовали. Но и настолько, чтобы сотню долларов называть мелочью, в деньгах не купались.

Вздохнув, я опустил голову.

– Простите дурака. Я и впрямь пытался предложить... вознаграждение. Всю неделю по инстанциям бегал, фирму перерегистрировал... уже и рефлекс выработался.

Начальник пытливо смотрел на меня. Вроде бы чуть смягчившись.

– Виноват, – признал я. – Но очень уж любопытство одолело. Верите, полночи не спал, все гадал...

– Вижу, что не спали, – глядя на меня, сказал начальник. И не выдержал – все-таки любопытство в человеке неистребимо. – А что вас так заинтересовало?

– Жена с дочуркой у меня сейчас на даче, – сказал я. – Я тут мотаюсь, пытаюсь ремонт закончить... и вдруг получаю письмо. Анонимное. Женским почерком написанное. А в письме... ну, как сказать... килограмм кокетства и полкило обещаний. Мол, прекрасная незнакомка мечтает с вами познакомиться, но не рискует сделать первый шаг. Если я внимателен и понял, от кого письмо, – так мне надо только подойти...

В глазах начальника загорелся бодрый огонек.

– А жена на даче? – сказал он.

– На даче, – кивнул я. – Вы не подумайте... никаких далеких планов. Просто хочется узнать, кто эта незнакомка.

– Письмо у вас с собой? – спросил начальник.

– Я его сразу выбросил, – признался я. – А то попадет жене на глаза, и доказывать потом, что ничегошеньки не было...

– Когда было отправлено?

– Три дня назад. Из нашего почтового отделения.

Начальник думал.

– Выемка писем там один раз в день, вечером, – сказал я. – Не думаю, что туда много народа заходит... всего-то человек

пять-шесть в день. Если бы глянуть...

Начальник покачал головой. Улыбнулся.

– Да я понимаю, что не положено... – сказал я печально. – Ну вы хоть сами гляньте, а? Может, там и не было ни одной женщины, может, сосед шутит. Он такой... веселый человек.

– С десятого этажа, что ли? – поморщился начальник.

Я кивнул:

– Вы гляньте... просто скажите, была там женщина или нет...

– Это письмо вас компрометирует, верно? – сказал начальник.

– В какой-то мере, – признал я. – Перед женой.

– Что ж, тогда у вас есть основания посмотреть запись, – решил начальник.

– Большое спасибо! – воскликнул я. – Огромное вам спасибо!

– Видите, как все просто? – медленно нажимая кнопки на клавиатуре компьютера, сказал начальник. – А вы – деньги... ну что за советские привычки... сейчас...

Я не удержался, поднялся и встал у него за плечом. Начальник не возражал. Он испытывал азарт – видимо, на территории «Ассоли» для него было немного работы.

На экране появилось изображение почтового отделения. Вначале из одного угла – можно было прекрасно видеть, что делают сотрудницы. Потом из другого – на вход и почтовый ящик.

– Понедельник. Восемь утра, – торжественно сказал начальник. – А что дальше? Смотреть на экран двенадцать часов?

– Ох, и впрямь... – фальшиво огорчился я. – Не подумал.

– Нажимаем кнопку... нет, вот эту... И что мы имеем?

Изображение стало мелко подрагивать.

– Что? – спросил я, будто не проектировал аналогичную систему для нашего офиса.

– Поиск движения! – торжественно воскликнул начальник.

Первый улов был в девять тридцать утра. На почту прошел какой-то рабочий восточного вида. И отправил целую стопу писем.

– Не ваша незнакомка? – съязвил начальник. И пояснил: – Это строители второго корпуса. Вечно письма в Ташкент шлют...

Я покивал.

Второй посетитель был в час с четвертью. Незнакомый мне, но очень солидный господин. Сзади шел охранник.

Господин писем не отправлял. Вообще не понимаю, зачем он зашел – то ли девушек разглядывал, то ли территорию «Ассоли» изучал.

А вот третьим был... Лас!

– О! – воскликнул начальник. – Это ведь и есть ваш шутник-сосед? Который по ночам песенки поет?

Плохой из меня сыщик...

– Он... – прошептал я. – Неужели...

– Ладно, смотрим дальше, – сжалился начальник.

Дальше, после двухчасового перерыва, народ пошел валом.

Еще трое жильцов отправили какие-то конверты. Все мужчины, все очень серьезной наружности.

И одна женщина. Лет семидесяти. Перед самым закрытием. Толстая, в пышном платье и с огромными безвкусными бусами. Жиденькие седые волосы были завиты кудряшками.

– Неужели она? – восхитился начальник. Встал, похлопал меня по плечу: – Ну что, имеет смысл искать таинственную кокетку?

– Все ясно, – сказал я. – Розыгрыш!

– Ничего, розыгрыш – не проигрыш, – скаламбурил начальник. – А вам на будущее просьба... никогда не делайте таких двусмысленных поступков. Не доставайте денег, если не собираетесь кому-то платить.

Я понурил голову.

– Сами же развращаем людей, – с горечью сказал начальник. – Понимаете? Сами! Раз предложил, два предложил... на третий раз с тебя требуют. А мы жалуемся – с чего это вдруг да откуда взялось... Вы же хороший, светлый человек!

Я удивленно уставился на начальника.

– Хороший, хороший, – сказал начальник. – Я своему чутью верю. Я за двадцать лет в угрозыске всяких повидал... Не делайте так больше, ладно? Не плодите зла вокруг.

Давно уже мне не было так стыдно.

Светлого мага учили не делать зла!

– Постараюсь, – сказал я. Виновато посмотрел начальнику в глаза. – Спасибо вам большое за помощь...

Начальник не ответил. Глаза у него стали стеклянные, чистые и бессмысленные, как у младенца. Рот приоткрылся. Пальцы на подлокотниках кресла сжались, побелели.

Заморозка. Несложное заклинание, очень ходовое.

А за моей спиной, у окна, кто-то стоял. Я его не видел – чувствовал спиной...

Я дернулся в сторону, быстро, как только смог. Но еще успел почувствовать ледяное дыхание Силы, нацеленное в меня. Нет, это не заморозка. Это что-то аналогичное из арсенала вампирских штук.

Сила скользнула по мне – и ушла в несчастного охранника. Сработанная Гесером защита не просто маскировала, но еще и защищала!

Ударившись плечом в стену, я выбросил вперед руки, но в последнюю секунду все же сдержался и не нанес удара. Моргнул – и поднял на глаза тень своих век.

У окна, скалясь от напряжения, стоял вампир. Высокий, с мордой породистого европейца. Высший вампир, без всяких сомнений. И не такой скороспелый, как Костя. Ему было лет триста по меньшей мере. И силой он, без сомнений, превосходил меня.

Но не Гесера! Моей сущности Иного вампир не видел. И

сейчас все те подавленные инстинкты нежити, которые Высшие вампиры умеют держать в узде, рвались наружу. Уж не знаю, за кого он меня принял – за какого-то особенного человека, способного потягаться с вампирами в реакции, за мифического «полукровку» – ребенка от человеческой женщины и мужчины-вампира, за не менее выдуманного «ведьмака», охотника на низших Иных. Но вампир явно был готов слететь с катушек и начать крушить все вокруг. Его лицо потекло, как пластилин, вылепляя лобастую звериную морду, из верхней челюсти выдвинулись клыки, из пальцев – бритвенно-острые когти.

Ополоумевший вампир – это страшно.

Хуже него только уравновешенный вампир.

От поединка с сомнительным исходом меня спасли рефлексы. Я удержался и не нанес удара, я выкрикнул традиционную формулу ареста:

– Ночной Дозор! Выйти из Сумрака!

И тут же от дверей раздался голос:

– Стой, это же наш!

Удивительно, как быстро вампир пришел в норму. Когти и клыки втянулись, лицо заколебалось, будто студень, принимая все тот же сдержанный, породистый вид преуспевающего европейца. И я этого европейца хорошо помнил – по славному городу Праге, где варят лучшее в мире пиво и сохранили лучшую в мире готику.

– Витезслав? – воскликнул я. – Что вы себе позволяете?

А у дверей, разумеется, стоял Эдгар. Темный маг, который после недолгой работы в московском Дневном Дозоре ушел в Инквизицию.

– Антон, прошу прощения! – Хладнокровный прибалт и впрямь был смущен. – Небольшая ошибка. Рабочий момент...

Витезслав был сама любезность.

– Наши извинения, дозорный. Мы вас не опознали...

Его взгляд цепко пробежался по мне, и в голосе появилось восхищение.

– Какая маскировка... Поздравляю, дозорный. Если это ваша работа, то я склоняю голову.

Объяснять, кто мне ставил защиту, я не стал. Редко удастся Светлому магу (впрочем, и Темному тоже, что греха таить) всласть наорать на Инквизиторов.

– Что вы сделали с человеком? – рявкнул я. – Он под моей защитой!

– Рабочий момент, как уже сказал мой коллега, – пожимая плечами, ответил Витезслав. – Нас интересуют данные с видеокамер.

Эдгар, небрежно отодвинув кресло с застывшим начальником охраны, подошел ко мне. Улыбнулся:

– Городецкий, все в порядке. Одно дело делаем, верно?

– У вас есть разрешение на подобные... рабочие моменты? – спросил я.

– У нас есть очень много разрешений, – холодно отчека-

нил Витезслав. – Вы даже не представляете, как много.

Все, опомнился. И пошел на конфликт. Еще бы – он едва не дал волю инстинктам, утратил самоконтроль, что для Высшего вампира – непозволительный позор. И в голосе Витезслава появилась настоящая, спокойная ярость:

– Хотите проверить, дозорный?

Конечно, Инквизитор не может позволить на себя орать. Вот только и мне теперь отступать нельзя!

Положение спас Эдгар. Поднял руки и очень эмоционально воскликнул:

– Моя вина! Я должен был узнать господина Городецкого! Витезслав, это моя персональная недоработка! Простите!

Я первым протянул вампиру руку.

– И впрямь – одно дело делаем. Я не ожидал вас здесь увидеть.

Вот тут я попал в точку. Витезслав на миг отвел глаза. И очень дружелюбно улыбнулся, пожимая мою руку. Ладонь вампира была теплой... и я понимал, что это значит.

– Коллега Витезслав прямо с самолета, – сказал Эдгар.

– И не успел еще встать на временный учет? – уточнил я.

Каким бы могучим Витезслав ни был, какую бы должность в Инквизиции ни занимал, но он оставался вампиром. И обязан был пройти унижительную процедуру регистрации.

Но я не стал давить дальше. Наоборот.

– Можно оформить все формальности здесь, – предложил я. – Я имею такое право.

– Благодарю, – кивнул вампир. – Но я загляну в ваш офис. Порядок – прежде всего.

Худой мир был восстановлен.

– Я уже проглядел записи, – сказал я. – Три дня назад письма отправляли четверо мужчин и одна женщина. И какой-то рабочий отправил целую кучу писем. Тут работают строители из Узбекистана.

– Хороший знак для вашей страны, – очень вежливо сказал Витезслав. – Когда в качестве рабочей силы используются граждане соседних государств – это признак экономического подъема.

Я мог бы ему объяснить, что думаю по этому поводу. Но не стал.

– Желаете просмотреть запись? – спросил я.

– Пожалуй, да, – согласился вампир.

Эдгар скромно стоял в сторонке.

Я вывел на монитор изображение почтового отделения. Включил «поиск движения» – и мы вновь посмотрели всех любителей эпистолярного жанра.

– Этого я знаю, – ткнул я пальцем в Ласа. – Сегодня выясню, что именно он отправлял.

– Подозреваете? – уточнил Витезслав.

– Нет. – Я покачал головой.

Вампир погнал запись по второму кругу. Но на этот раз несчастный замороженный начальник был тоже посажен к компьютеру.

– Кто это? – спрашивал Витезслав.

– Жилец, – безучастно глядя в экран, отвечал начальник. – Первый корпус, шестнадцатый этаж...

Память у него была хорошая. Он назвал всех подозреваемых, разве что рабочего с кипой писем не опознал. Кроме Ласа, жильца с шестнадцатого этажа и старушки с одиннадцатого, письма отправляли два менеджера «Ассоли».

– Мы займемся мужчинами, – решил Витезслав. – Для начала. Вы проверьте старушку, Городецкий. Хорошо?

Я пожал плечами. Сотрудничество сотрудничеством, но командовать собой я не позволю.

Тем более Темному. Вампиру.

– Вам это проще, – пояснил Витезслав. – Мне... трудно приближаться к старикам.

Признание было откровенным и неожиданным. Я что-то промычал и в уточнения вдаваться не стал.

– Я чувствую в них то, чего лишен, – все же пояснил вампир. – Смертность.

– Завидно? – не удержался я.

– Страшно. – Витезслав склонился над охранником, произнес: – Сейчас мы уйдем. Ты будешь спать пять минут и видеть красивые сны. Когда проснешься, забудешь наш визит. Будешь помнить только Антона... будешь очень хорошо к нему относиться. Если Антону понадобится – окажешь ему любую помощь.

– Да незачем... – слабо запротестовал я.

– Одно дело делаем, – напомнил вампир. – Я знаю, как тяжело работать под прикрытием. Прощайте.

Миг – и он исчез. Эдгар виновато улыбнулся – и вышел в дверь.

Не дожидаясь пробуждения начальника, покинул кабинет и я.

Глава 4

Судьба, которой, по уверениям наших магов, не существовало, была ко мне благосклонна.

В холле «Ассоли» (ну не назвать это помещение подъездом!) я увидел ту самую старушку, к которой боялся подходить вампир. Она стояла у лифта и задумчиво смотрела на кнопки.

Я глянул сквозь Сумрак – и убедился, что старушка в полной растерянности, почти в панике. Вышколенная охрана тут помочь не могла – внешне старушка пребывала в полной невозмутимости.

И я решительно направился к пожилой даме. Именно к «пожилой даме» – потому что никак не годилось здесь тихое, доброе русское слово «старушка».

– Простите, могу я чем-нибудь вам помочь? – спросил я.

Пожилая дама покосилась на меня. Без старческой подозрительности, скорее со смущением.

– Я забыла, где живу, – призналась она. – Вы не знаете?

– Одиннадцатый этаж, – сказал я. – Позвольте вас проводить?

Седые кудряшки, сквозь которые просвечивала тонкая розовая кожа, едва заметно качнулись.

– Восемьдесят лет, – сказала старушка. – Это я помню... тяжело это помнить. Но помню.

Я взял даму под руку и провел к лифту. Кто-то из охранников направился к нам, но моя престарелая спутница покачала головой:

– Господин меня проводит...

Господин проводил. Дверь свою пожилая дама опознала и даже радостно ускорила шаг. Квартира была не заперта, квартира была великолепно отремонтирована и обставлена, а в прихожей расхаживала энергичная девица лет двадцати и сокрушалась в трубку:

– Да, и внизу смотрела! Опять выскочила...

Наше появление привело девицу в восторг. Боюсь лишь, что и милая улыбка, и трогательная заботливость в первую очередь адресовались мне.

Молодые симпатичные девушки идут прислугой в такие дома не ради денег.

– Машенька, подай нам чай, – прервала ее кудахтанье старушка. Наверное, она тоже иллюзий не испытывала. – В большую комнату.

Девица послушно ринулась на кухню, но все-таки улыбнулась еще раз и сказала в самое ухо, расчетливо коснувшись меня упругой грудью:

– Совсем плоха стала... Меня зовут Тамара.

Почему-то мне не захотелось представляться. Я прошел вслед за старушкой в «большую комнату». Ну очень большую. Со старой, сталинских времен мебелью и явными следами работы дорогого дизайнера. По стенам были развеше-

ны черно-белые фотографии – вначале я тоже считал их деталями интерьера. А потом сообразил, что юная, ослепительно красивая белозубая девушка в летном шлеме – та самая дама.

– Фрицев бомбила, – скромно сказала дама, садясь за круглый стол, покрытый бордовой бархатной скатертью с кистями. – Вон, сам Калинин мне орден вручал...

В полном ошеломенении я уселся напротив бывшей летчицы.

Такие в лучшем случае доживают свой век на старых государственных дачах или в огромных ветхих «сталинках». Ну никак не в элитном жилом комплексе! Она же бомбы на фашистов бросала, а не золотой запас из рейхстага вывозила!

– Внук мне квартиру купил, – будто прочитав мои мысли, сказала старушка. – Большая квартира. Не помню тут ничего... все вроде родное, а не помню...

Я кивнул. Хороший внук, что говорить. Понятно, что перевести дорогую квартиру на орденосную бабушку, а потом получить ее по наследству – очень правильный шаг. Но в любом случае добрый поступок. Вот только прислугу надо было подбирать тщательнее. Не двадцатилетнюю девочку, озабоченную удачным капиталовложением своего молодого личика и хорошей фигурки, а пожилую, крепкую санитарку...

Старушка задумчиво посмотрела в окно. Сказала:

– Лучше бы мне в тех домах, маленьких... Привычней

ОНО...

Но я уже не слушал. Я смотрел на стол, заваленный мятыми письмами с забавным штемпелем «адресат выбыл». И неудивительно. В качестве адресатов фигурировали и всесоюзный староста Калинин, и генералиссимус Иосиф Сталин, и товарищ Хрущев, и даже «дорогой Леонид Ильич Брежнев».

Позднейших вождей память старушки, очевидно, не удержала.

Не надо было никаких способностей Иного, чтобы понять, какое письмо старушка отправила три дня назад.

– Не могу без дела, – пожаловалась старушка, поймав мой взгляд. – Все прошу в школы меня отрядить, в училища летные... рассказать бы молодым, как мы жили...

Я все-таки посмотрел на нее сквозь Сумрак. И едва не вскрикнул.

Старая летчица была потенциальной Иной. Может, и невеликой силы, но совершенно явственной!

Вот только инициировать ее в таком возрасте... не представляю. В шестьдесят лет, в семьдесят... но в восемьдесят?

Да она же умрет от напряжения. Уйдет в Сумрак бесплотной безумной тенью...

Всех не проверишь. Даже в Москве, где так много дозорных.

И порой мы узнаем своих братьев и сестер слишком поздно...

Появилась девица Тамара – с подносом, заставленным вазочками с печеньем и конфетами, чайником, красивыми старинными чашками. Беззвучно поставила вазочки на стол.

А старушка уже дремала, по-прежнему прямо и крепко держась на стуле.

Я тихонько встал, кивнул Тамаре:

– Пойду. Вы приглядывайте повнимательнее, она ведь забывает, где живет.

– Да я с нее глаз не спускаю! – хлопая ресницами, ответила Тамара. – Что вы, что вы...

Я проверил и ее. Никаких способностей Иной.

Обычная молодая женщина. Даже по-своему добрая.

– Письма часто пишет? – спросил я и чуть-чуть улыбнулся.

Приняв улыбку за разрешение, Тамара заулыбалась:

– Все время! И Сталину, и Брежневу... вот умора, правда? Спорить я не стал.

Из всех кафе и ресторанов, которыми «Ассоль» была напичкана, работало лишь кафе в супермаркете. Очень милое кафе – вторым ярусом нависающее над кассовыми аппаратами. С прекрасным обзором на весь зал супермаркета. Наверное, хорошо тут пить кофе перед приятной прогулкой за покупками, намечая маршрут «шопинга». Вот ведь ужасное слово, чудовищный англицизм, а въелось в русский язык, будто клещ в беззащитную добычу!

Там я и пообедал, стараясь не ужасаться ценам. Потом взял двойной эспрессо, купил пачку сигарет – которые курю совсем нечасто, и попытался представить себя детективом.

Кто отправил письмо?

Иной-предатель или человек – клиент Иного?

Вроде бы им обоим это не нужно. Ну совершенно невыгодно! А версия со сторонним человеком, пытающимся предотвратить инициацию, слишком уж мелодраматична.

Думай, голова, думай! И не такие запутанные ситуации случались. Есть предатель-Иной. Есть его клиент. Письмо отправлено в Дозоры и Инквизицию. Значит, скорее всего письмо отправил Иной. Сильный, умный, знающий Иной.

Тогда вопрос – зачем?

Пожалуй, ответ был. Для того чтобы не осуществлять эту самую инициацию. Для того чтобы выдать в наши руки клиента и не выполнять обещания.

Значит – тут вопрос не в деньгах. Каким-то непонятным образом неведомый клиент получил власть над Иным. Власть страшную, абсолютную, позволяющую требовать чего угодно. Признаться, что человек получил над ним такую власть, Иной не может. И делает ход конем...

Так-так-так!

Я закурил сигарету, отхлебнул кофе. По-барски развалился в мягком кресле.

Что-то начинает вырисовываться. Каким образом Иной может попасть в рабство к человеку? К обычному человеку,

пусть даже богатому, влиятельному, умному...

Вариант был только один, и он мне чрезвычайно не нравился. Наш таинственный Иной-предатель мог оказаться в ситуации золотой рыбки из сказки. Дать человеку честное слово исполнить любое желание. Рыбка ведь тоже не ожидала, что сбрендившая старуха... кстати, о старухе: надо сообщить Гесеру, что я обнаружил потенциальную Иную... что сбрендившая старуха захочет стать Владычицей Морскою.

Вот тут и крылась основная неприятность.

И вампиру, и оборотню, и Темному магу на данное слово – наплевать.

Сами дадут слово, сами и заберут обратно. Еще и горло перегрызут, если человек станет качать права.

Значит, опрометчивое обещание дал Светлый маг!

Может такое быть?

Может.

Легко. Мы все немного наивны, прав Костя. Нас можно ловить на человеческих слабостях, на чувстве вины, на всяческой романтике...

Итак – предатель в наших рядах. Он дал слово, пока не станем выяснять зачем. Он в ловушке. Отказавшись выполнить обещание, Светлый маг развоплотится...

Стоп! Снова любопытный момент. Я могу пообещать человеку выполнить «все что угодно». Но если меня попросят о невыполнимом... ну, не знаю, о чем именно, не о трудном, не о противном, не о запретном – а именно о невыполни-

мом... солнце, к примеру, погасить или человека в Иного превратить... Что я отвечу? Что это невозможно. Никак. И буду я прав, и нет у меня никаких оснований развоплощаться. И моему хозяину-человеку придется с этим смириться. Потребовать что-нибудь иное... Денег, здоровья, потрясающей сексуальной привлекательности, удачи в игре на бирже и нюха на опасности. В общем – обычных человеческих радостей, которые сильный Иной способен обеспечить.

Но Иной-предатель паникует! Паникует настолько, что напускает на своего «хозяина» сразу оба Дозора и Инквизицию! Он зажат в угол, он боится навсегда уйти в Сумрак.

Значит – он и впрямь может превратить человека в Иного!

Значит – невозможное возможно. Способ существует. Он – достояние немногих, но он есть...

Мне стало не по себе.

Предатель – кто-то из наших самых старых и знающих магов. Не обязательно маг вне категорий, не обязательно занимающий очень важный пост. Но – тертый жизнью и допущенный к самым большим тайнам...

Почему-то я сразу подумал о Семене.

О Семене, который порой знает такое, что ему, Светлому магу, навешивают на тело знак Карающего Огня.

«Я вторую сотню лет живу...»

Может быть.

Он очень многое знает.

Кто еще?

Есть целый ряд старых, опытных магов, не работающих в Дозоре. Живут себе в Москве, смотрят телевизор, пиво пьют, на футбол ходят...

Я их не знаю, вот в чем беда. Не хотят они, мудрые и отошедшие от дел, ввязываться в бесконечную войну Дозоров.

И к кому мне идти за советом? Кому излагать свои ужасные догадки? Гесеру? Ольге? Так они потенциально тоже входят в число подозреваемых.

Нет, не верю я в их оплошность. И битая-перебитая жизнью Ольга, о хитрющем Гесере и говорить не приходится, такую оплошность не совершат, невыполнимых обещаний человеку не дадут. Да и Семен не мог! Не верю, что мудрый, в исконном, народном смысле мудрый Семен так подставится...

Значит, кто-то еще из наших мэтров оплошал.

И как я буду выглядеть, выдвигая такое обвинение? «Мне кажется, что тут виноват кто-то из нас. Из Светлых. Скорее всего – Семен. Или Ольга. Или вы сами, Гесер...»

Как мне после этого ходить на работу? Как смотреть в лицо товарищам?

Нет, не смогу я высказать таких подозрений. Я должен знать точно.

Подзывать официантку почему-то казалось неудобным. Я прошел к стойке, попросил сварить еще чашку. Оперся о перила, посмотрел вниз.

Внизу я обнаружил своего ночного знакомца. Гитарист и

собиратель забавных футболок, счастливый владелец большого английского унитаза, стоял возле открытого бассейна, заполненного живыми омарами. На лице у Ласа отражалась напряженная работа мысли. Потом он усмехнулся и покатил тележку к кассе.

Я насторожился.

Лас неторопливо выложил на движущуюся ленту скромные покупки, среди которых особняком выделялась бутылка чешского абсента. А расплачиваясь, сказал:

– Вы знаете, у вас там есть бассейн с омарами...

Девушка за кассой заулыбалась, всем видом подтверждая, что бассейн есть, омары в нем плавают и парочка живых членистоногих замечательно подойдет к абсенту, кефиру и мороженым пельменям.

– Так вот, – невозмутимо продолжал Лас, – я сейчас видел, как один омар забрался другому на спину, выполз на бортик и спрятался вон под те холодильники...

Девушка часто заморгала. Через минуту у кассы появились два охранника и крепкая тетка-уборщица. Выслушав ужасную весть о побеге, они бросились к холодильникам.

Лас, поглядывая на зал, расплатился.

А погоня за несуществующим омаром была в самом разгаре. Уборщица тыкала шваброй под холодильники, охранники суетились вокруг. До меня донеслось:

– Ко мне гони, ко мне! Я его уже почти вижу!

С выражением тихой радости на лице Лас двинулся к вы-

ходу.

– Осторожней тычь, панцирь помнешь – некондиция будет! – предостерегал охранник.

Пытаясь согнать с лица недостойную Светлого мага улыбку, я взял у девушки свой кофе. Нет, этот не стал бы вырезать ножничками буквы из газет. Слишком скучное занятие.

У меня зазвонил телефон.

– Привет, Света, – сказал я в трубку.

– Как дела, Антон?

На этот раз тревожности в ее голосе было поменьше.

– Пью кофе. С коллегами пообщался. Из конкурирующих фирм.

– Ага, – сказала Светлана. – Молодец. Антон, тебе не нужна моя помощь?

– Ты же... не в штате, – растерянно сказал я.

– Да плевать мне! – мгновенно вскинулась Светлана. – Я за тебя волнуюсь, а не за Дозор!

– Пока не надо, – ответил я. – Как Надюшка?

– Помогает маме борщ варить, – засмеялась Светлана. – Так что обед запоздает. Позвать ее?

– Угу, – расслабляясь, сказал я, сел у окна.

Но Надька трубку не взяла и разговаривать с папой не пожелала.

В два года такое упрямство случается.

Я поговорил со Светланой еще чуть-чуть. Хотелось спросить, исчезли ли ее дурные предчувствия, но я сдержался. И

так по голосу ясно, что исчезли.

Разговор я закончил, но трубку убирать не спешил. Звонить в офис не стоит. А вот если мне поговорить с кем-нибудь в частном порядке?

Ну, должен ведь я выезжать в город, с кем-то встречаться, дела свои торговые перетирать, новые контракты заключать?

Я набрал номер Семена.

Хватит играть в сыщика. Светлые друг другу не врут.

Для встреч – не совсем деловых, но и не совсем уж личных – хороши маленькие кабачки, на пять-шесть столиков от силы. Когда-то в Москве таких не было. Уж если общепит – так с помещением на хорошую гулянку.

Сейчас появились.

Это ничем не приметное кафе было в самом центре, на Солянке. Дверь в стене, прямо с улицы, пять столиков, маленький бар – в «Ассоли» даже в квартирах барные стойки повнушительнее.

И ничего особенного не было в публице. Это не те клубы по интересам, что любит коллекционировать Гесер, – здесь собираются аквалангисты, а здесь воры-рецидивисты.

А кухня вообще ни на что не претендовала. Два сорта розливного пива, прочий алкоголь, сосиски из микроволновки и картофель-фри. Ширпотреб.

Может быть, поэтому Семен и предложил тут встретиться? Он-то с кафе вполне гармонировал. Впрочем, и я осо-

бенно не выделялся...

Шумно сдувая с пива пену – только в старых кинофильмах я такое видел, – Семен отхлебнул «Клинского золотого» и умиротворенно посмотрел на меня:

– Рассказывай.

– Ты знаешь о кризисе? – с ходу взял я быка за рога.

– О каком именно? – уточнил Семен.

– Кризис с анонимными письмами.

Семен кивнул. Даже уточнил:

– Только что оформлял временную регистрацию пражскому гостю.

– Я вот что думаю, – крутя кружку по чистенькой скатерти, сказал я. – Отправитель – Иной.

– Без сомнения! – сказал Семен. – Ты пиво-то пей. Если хочешь, я тебя потом протрезвлю.

– Не сможешь, я закрыт.

Семен прищурился, глядя на меня. И согласился, что да, закрыт и не в его силах пробить непроницаемую для магии скорлупу, наложенную, не иначе, самим Гесером.

– Так вот, – продолжил я. – Если отправитель – Иной, то чего он добивается?

– Изоляции или уничтожения своего клиента-человека, – спокойно сказал Семен. – Видать, опрометчиво пообещал сделать его Иным. Вот и дергается.

Все мои героические умственные усилия оказались втуне. Не работающий прямо по делу Семен прекрасно до всего до-

шел своим умом.

– Это Светлый Иной, – сказал я.

– Почему? – удивился Семен.

– У Темного есть масса других способов отказаться от обещания.

Семен подумал, пожевал картофельную соломку и сказал, что да, похоже на то. Но отрицать стопроцентно участие Темных он бы не стал. Потому что и Темные могут дать такую опрометчивую клятву, что ее не обойти. К примеру – поклясться Тьмой, призвать в свидетели изначальную Силу. После этого не слишком-то подергаешься.

– Согласен, – сказал я. – И все-таки больше шансов, что прокололся кто-то из наших.

Семен кивнул и ответил:

– Не я.

Я отвел глаза.

– Да ты не переживай, – меланхолично сказал Семен. – Ты правильно мыслишь и все правильно делаешь. Могли и мы проколоться. Мог и я оплошать. Спасибо, что позвал для разговора, а не побежал к начальству... Даю тебе слово, Светлый маг Антон Городецкий, что я не посылал известных тебе писем и не знаю их отправителя.

– Знаешь, я очень рад, – честно сказал я.

– Уж как я-то рад, – усмехнулся Семен. – Я вот что тебе скажу, провинившийся Иной – большой наглец. Мало того что Дозоры привлек, еще и Инквизицию впутал. Это надо

либо совсем царя в голове не иметь, либо очень хорошо все рассчитать. В первом случае конец ему, а во втором – выпутается. Я ставлю два против одного, что выпутается.

– Семен, выходит, можно обычного человека в Иного превратить? – спросил я. Честность – лучшая политика.

– Не знаю. – Семен покачал головой. – Раньше я считал, что невозможно. Но судя по последним событиям – есть какая-то лазейка. Очень узкая, очень неприятная, но есть.

– Почему неприятная? – зацепился я за его слова.

– Потому что иначе мы бы пользовались ею. Какой плюс, к примеру, президента сделать своим! Да не только президента, всех более или менее влиятельных людей. Было бы приложение к Договору, определяющее порядок инициации, было бы то же самое противостояние, но на новом уровне.

– А я думал, что это совсем запрещено, – признался я. – Встретились Высшие, договорились не нарушать баланс... пригрозили друг другу абсолютным оружием...

– Чем? – ошеломился Семен.

– Ну, абсолютным. Помнишь, ты рассказывал про термоядерные бомбы запредельной мощности? Одна у нас, одна у американцев... Наверное, что-то подобное есть и в магии...

Семен захохотал:

– Да ты что, Антон! Нет таких бомб, фантастика это, выдумка! Физику учи! Содержание тяжелой воды в океанах слишком мало для самоподдерживающейся термоядерной реакции!

– Зачем же рассказывал? – растерялся я.

– Мы же всякие байки тогда травили. Я и не думал, что ты согласишься...

– Тьфу на тебя, – пробормотал я, отхлебнул пиво. – Между прочим, я после этого ночами плохо спал...

– Нет абсолютного оружия, спи спокойно, – ухмыльнулся Семен. – Ни настоящего, ни магического. И если допустить, что инициировать обычных людей все-таки возможно, значит, процедура эта крайне трудная, гадостная, с побочными эффектами. В общем – никто мараться не хочет. Ни мы, ни Темные.

– И ты о такой процедуре не знаешь? – еще раз уточнил я.

– Не знаю. – Семен задумался. – Нет, точно не знаю. Открыться людям, приказывать им или, скажем, волонтерами привлекать – это случалось. Но так, чтобы нужного человека в Иного превратить, – никогда не слышал.

Опять тупик.

Я кивнул, мрачно глядя в пивную кружку.

– Ты не напрягайся, – посоветовал Семен. – Одно из двух, либо Иной – дурак, либо очень хитер. В первом случае его найдут Темные или Инквизиторы. Во втором – его не найдут, но человека вычислят и отучат желать странного. Вот такие случаи как раз известны...

– Что же мне делать? – спросил я. – Не спорю, пожить в таком забавном месте интересно. Тем более на казенный счет...

– Вот и живи, – спокойно сказал Семен. – Или гордость выиграла? Хочется всех обскакать и найти предателя?

– Не люблю дела бросать на полпути, – признался я.
Семен засмеялся:

– Я уже лет сто только тем и занимаюсь, что дела на полпути бросаю... Случилось, к примеру, дельце о потраве скота зажиточного крестьянина Беспутнова в Костромской губернии. Ах какое было дело, Антон! Загадка! Клубок интриг! Потрава магическая, но так хитро осуществленная... с наведением порчи через конопляное поле!

– Неужели скот коноплю ест? – невольно заинтересовался я.

– Кто ж ему даст? Из той конопли крестьянин Беспутнов веревку свил. На этой веревке скотину водил. Через нее порча и перешла. Хитрая потрава, неспешная, обстоятельная. И на сто верст вокруг – ни одного зарегистрированного Иного! Поселился я в той деревеньке, принялся искать злодея...

– Неужели раньше так качественно работали? – поразился я. – Из-за какого-то скота, какого-то крестьянина – внедрение дозорного?

Семен улыбнулся:

– Всяко раньше работали. Сын этого крестьянина был Иным, он и попросил за папу заступиться, тот ведь едва из той веревки петельку не свил... Так вот, поселился я, бирюк бирюком, хозяйством обзавелся, даже стал к одной вдовушке клинья подбивать. А попутно искал. И понял, что выхо-

жу на след древней ведьмы, очень хорошо замаскированной, ни в каких Дозорах не состоящей и на учете не значащейся. Представляешь, какая интрига? Ведьма, которой лет двести – триста было! Она силы набрала, как маг первого уровня! Вот я и играл в Ната Пинкертон... искал... звать на помощь Высших магов как-то стыдно было. И потихоньку появились у меня зацепочки, круг подозреваемых очертился. Одной из них, кстати, была та самая вдовушка, которая меня привечала...

– Ну? – с восторгом спросил я. Пусть Семен и любит при-
врать, но эта история, похоже, была правдивой.

– Баранки гну, – вздохнул Семен. – Мятеж в Петрограде случился. Революция. Тут уж, как понимаешь, не до хитрой ведьмы стало. Тут человечья кровь реками полилась. Ото-
звали меня. Хотел я вернуться, разыскать каргу, но все вре-
мени не было. А потом деревенька под затопление пошла, всех переселили. Может, и нет уже той ведьмы.

– Обидно, – сказал я.

Семен кивнул:

– И вот таких историй у меня – вагон и маленькая тележка. Так что особенно не разгоняйся, носом землю не рой.

– Будь ты Темным, – признался я, – точно бы решил, что ты от себя подозрение отводишь.

Семен только улыбнулся.

– Не Темный я, Антон. И тебе это прекрасно известно.

– И про инициацию людей ничего не знаешь... – вздохнул

я. – А я так надеялся...

Семен посерьезнел.

– Антон, я тебе еще одну вещь скажу. Девушка, которую я любил больше всего на свете, умерла в двадцать первом году. От старости умерла.

Я посмотрел на него – и не рискнул улыбнуться. Семен не шутил.

– Если бы я знал, как ее сделать Иной... – прошептал Семен, глядя куда-то вдаль. – Если бы я только знал... Я раскрылся перед ней. Я сделал для нее все. Она никогда не болела. Она и в семьдесят три выглядела от силы на тридцать. Она даже в голодном Петербурге ни в чем не нуждалась, а от ее охранных бумажек красноармейцы дар речи теряли... у Ленина я мандат подписал. А вот своего века ей дать не смог. Не в наших это силах. – Он мрачно посмотрел мне в глаза. – Знал бы я, как Любовь Петровну инициировать, – никого бы не спросил. Через все бы прошел. Сам развоплотился – а ее Иной сделал...

Семен поднялся, вздохнул:

– А теперь мне, если честно, все равно. Можно людей в Иных превращать, нельзя – меня не волнует. И тебя волновать не должно. Твоя жена – Иная. Твоя дочь – Иная. Такое счастье, и одному? Сам Гесер о таком мечтать не может.

Он вышел, а я еще посидел за столиком, допивая пиво. Хозяин кафе – он же и официант, и повар, и бармен – в мою сторону даже не глядел. Семен, когда зашел, поставил над

столиком магическую завесу.

Что же я, в самом деле?

Трое Инквизиторов роют носом землю. Талантливый вампир Костя носится летучей мышью вокруг «Ассоли». Выяснят, обязательно выяснят, кто возжелал стать Иным. А от правителя письма или найдут, или нет.

Мне-то что с того?

Женщина, которую я люблю, Иная. И еще – она добровольно отказалась от службы в Дозоре, от блестящей карьеры Великой Волшебницы. Все ради меня, идиота. Чтобы я, упертый навсегда в свой второй уровень Силы, не комплексовал...

И Надюшка – Иная! Мне не придется испытать ужас Иного, чей ребенок вырастает, старится и умирает. Рано или поздно мы откроем Наденьке ее природу. И она захочет стать Великой, сомнений нет. И станет Величайшей. Может быть, даже исправит к лучшему этот несовершенный мир.

А я играю в какие-то детские шпионские игры! Переживаю, как выполнить задание, вместо того чтобы завалиться вечером к веселому соседу или оттянуться, исключительно в целях маскировки, в казино.

Я поднялся, положил на столик деньги и вышел. Через час-другой завеса развеется, хозяин кафе увидит деньги, пустые бокалы и припомнит, что какие-то невзрачные мужики пили здесь пиво.

Глава 5

Полдня я занимался какими-то совершенно левыми, никому не нужными делами. Наверное, вампир Костя скривил бы бледные губы и сообщил, что он думает о моей наивности...

Вначале я заехал в «Ассоль», переоделся в джинсы и простую рубашку, после чего отправился в ближайший нормальный двор — к скучным панельным девятиэтажкам. Там, к своему полному удовольствию, я обнаружил футбольное поле, на котором гоняли облезлый мяч лоботрясы старшего школьного возраста. Было, впрочем, и несколько молодых мужиков. Все-таки только что завершившийся чемпионат мира по футболу, совершенно бесславный для нашей команды, сыграл и положительную роль. В немногих уцелевших дворах возрождался утраченный, казалось бы, начисто дворовой дух.

Меня приняли в команду. В ту, где был всего один взрослый мужик — с внушительным пузиком, но крайне подвижный и азартный. Игрок я слабенький, но и здесь не чемпионы мира собрались.

И около часа я бегал по пыльной, утопанной земле, орал, бил по воротам из драной металлической сетки и несколько раз даже попал. Один раз здоровенный лоб-десятиклассник ухитрился ловко уронить меня и благодушно улыбнулся.

Но я не обиделся и не расстроился.

Когда игра затихла – как-то сама собой, – я зашел в ближайший магазин, купил минералки и пива, а самым малолетним футболистам – напиток «Байкал». Они, конечно, предпочли бы кока-колу, но пора отвыкать от заморской отравы.

Огорчало меня лишь понимание того, что слишком уж большая щедрость вызовет самые разнообразные подозрения. Так что творить добрые дела пришлось умеренно.

Распрощавшись со «своими» и «чужими» игроками, я дошел до пляжа, где с удовольствием искупался в грязноватой, но прохладной водичке. «Ассоль» помпезным дворцом высилась в сторонке.

Вот и пусть себе высится...

Самое смешное, что я понимал – точно так же на моем месте мог поступить какой-нибудь Темный маг. Не из числа совсем молодых и охочих до недоступных прежде удовольствий вроде свежих устриц и дорогих проституток, а поживший Темный, до которого дошло, что все на свете – суета сует и всяческая суета.

И бегал бы он по маленькому футбольному полю, орал, пинал мяч, цыкал на неумело матерящихся подростков: «А ну придержи язык, салага!» И пошел бы потом на пляж, и плескался в мутной водичке, и лежал на траве, глядя в небо...

Где же оно, разделение? Ладно, с низшими Темными все понятно. Они – нежить. Они вынуждены убивать, чтобы су-

ществовать. И тут уж никакая словесная эквилибристика не поможет. Они – зло.

Где же настоящая грань?

И почему она порой готова исчезнуть? Вот в такие моменты, когда и дел-то всего – один-единственный человек, пожелавший стать Иным? Один-единственный!

И какие силы сразу бросаются на поиски! Темные, Светлые, Инквизиция... И не один я над этим делом работаю, я лишь выдвинутая вперед пешка, проводящая разведку на местности. Морщит лоб Гесер, хмурится Завулон, скалится Витезслав. Человек пожелал стать Иным! Ату его, ату!

А кто бы не пожелал?

Не вечного голода вампиров, не приступов безумия оборотней, а полноценной жизни мага. Когда все как у людей.

Только лучше.

Ты не боишься, что из оставленной без присмотра машины вынут дорогой музыкальный центр.

Ты не болеешь гриппом, а если заболеешь неизлечимой гадостью – к твоим услугам Темные колдуньи или Светлые целители.

Ты не задумываешься, как дожить до зарплаты.

Тебя не страшат ночные улицы и пьяные гопники.

Тебя даже милиция не страшит.

Ты уверен, что твой ребенок спокойно дойдет домой из школы, а не нарвется в подъезде на безумного маньяка...

Да, конечно, вот тут и зарыта собака. Твои близкие в без-

опасности, они даже из вампирской лотереи исключены. Но ты не спасешь их от старости и смерти.

И все-таки это еще очень далеко. Где-то далеко впереди.

А в целом куда приятнее быть Иным.

К тому же, отказавшись от инициации, ты ничего не выигрываешь, даже родные-люди вправе назвать тебя дураком. Ведь став Иным, ты можешь за них вступиться. Вот как Семен рассказывал... потравили у мужичка коров, а сын-Иной отрядил на помощь дознавателя. Все-таки родная кровь. Ничего не попишешь...

Я дернулся, будто через меня пропустили электрический ток. Я вскочил и уставился на «Ассоль».

С какой стати Светлый маг мог дать человеку опрометчивое обещание исполнить все что угодно?

Только по одной причине!

Вот он, след!

– Что-то придумал, Антон? – раздался голос со спины.

Я повернулся и посмотрел Косте в черные линзы очков. Он был в одних плавках, как и положено на пляже, но в белой детской панамке, сидевшей на макушке наподобие тубетейки (небось без зазрения совести отобрал у какого-нибудь малыша) и черных очках.

– Солнышко жжет? – ехидно спросил я.

Костя поморщился:

– Давит. Висит в небе, как утюг... Скажешь, тебе не жарко?

– Жарко, – признался я. – Но это другой жар.

– Давай без колкостей? – попросил Костя. Сел на песок, брезгливо отбросил из-под ног окурки. – Я теперь только ночами купаюсь. Но ведь пришел... с тобой поговорить.

Мне стало стыдно. Передо мной сидел угрюмый молодой мужик, даром что неживой. Но я же помнил хмурого подростка, мнущегося у двери моей квартиры. «Вы меня не должны в гости звать, я же вампир, я тогда смогу ночью прийти и вас укусить...»

И достаточно долго этот мальчик держался. Пил свиную и донорскую кровь. Мечтал снова стать живым. «Как Пинокио», – не то прочитав Коллоди, не то посмотрев «Искусственный разум», нашел он верное сравнение.

Если бы Гесер не отрядил меня охотиться на вампиров...

Нет, чушь. Природа взяла бы свое. И Костя получил бы лицензию.

И все равно я не вправе над ним издеваться. У меня есть огромное преимущество – я живой.

Я могу без стыда подходить к старикам. Именно без стыда – потому что Витезслав лукавил. Не страх и не отвращение отталкивало его от старушки.

Стыд.

– Извини, Костя, – сказал я и лег рядом на песок. – Давай поговорим.

– Мне кажется, постоянные жилыцы «Ассоли» ни при чем, – мрачно начал Костя. – Клиент среди тех, кто там бы-

вает эпизодически.

– Придется всех проверить... – фальшиво вздохнул я.

– Та еще работенка. Надо предателя искать.

– Так мы ищем.

– Вижу я, как ты ищешь... Что, понял, что это кто-то из ваших?

– С какой стати! – возмутился я. – Вполне возможно, что Темный прокололся...

Некоторое время мы обсуждали ситуацию. К одинаковым выводам мы, похоже, пришли одновременно.

Вот только сейчас я был на полшага впереди. И помогать Косте не собирался.

– Письмо отправили в той куче писем, что принес на почту строитель, – не подозревая о моем коварстве, говорил Костя. – Это легче легкого. Все эти гастарбайтеры живут в старой школе, там у них общежитие. На первом этаже, на стол дежурного, складывают все письма. Утром кто-нибудь идет на почту и их отправляет. Иному не представляет никаких трудов зайти в общежитие, отвести глаза дежурному... или просто дождаться, когда тот по нужде отойдет. И бросить письмо в общую кучу. Все! Никаких следов.

– Просто и надежно, – согласился я.

– В духе Светлых, – поморщился Костя. – Загребать жар чужими руками.

Почему-то я не обиделся. Только насмешливо улыбнулся и перевернулся на спину, глядя в небо, в ласковое желтое

солнышко.

– Ладно, мы тоже так делаем... – буркнул Костя.

Я молчал.

– Ну что, скажешь, никогда не использовали людей для своих операций? – возмутился Костя.

– Бывало. Использовали, но не подставляли.

– Так и здесь Иной людей не подставил, только использовал, – непоследовательно заявил Костя, совсем забыв о «загребании жара». – Вот я думаю... имеет смысл идти дальше по этому следу? Пока предатель замечает все следы очень надежно. Будем гоняться за призраком...

– Говорят, пару дней назад двум охранникам «Ассоли» что-то страшное почудилось в кустах, – сказал я. – Они даже стрельбу открыли.

У Кости загорелись глаза.

– Ты уже проверил?

– Нет, – сказал я. – Я же замаскирован, никаких возможностей.

– Можно я их проверю? – жадно спросил Костя. – Слушай, я отмечу, что это ты...

– Проверяй, – разрешил я.

– Спасибо, Антон! – Костя расцвел в улыбке, довольно чувствительно ткнул меня кулаком в плечо. – Все-таки ты правильный мужик! Спасибо!

– Выслуживайся, – не удержался я, – может, еще лицензию вне очереди получишь.

Костя сразу замолчал, помрачнел. Уставился на реку.

– Сколько людей ты убил, чтобы стать Высшим вампиром? – спросил я.

– Тебе-то какая разница?

– Так... интересно.

– Подними как-нибудь свои архивы и посмотри, – криво улыбнулся Костя. – Неужели сложно?

Это, конечно, было несложно. Но я никогда не смотрел досье на Костю. Не хотел я этого знать...

– Дядя Костя, давай панамку! – требовательно пискнули рядом.

Я покосился на маленькую, лет четырех, девочку, подбежавшую к Косте. И впрямь – заморочил ребенка, панамку отобрал...

Костя послушно стянул с головы панамку, отдал девочке.

– Ты вечером снова придешь? – поглядывая на меня и надувая губки, спросила девочка. – Сказку расскажешь?

– Угу, – кивнул Костя.

Девочка просияла и побежала к молодой женщине, собиравшей в сторонке вещи. Только песок из-под пяток забрызгал...

– Да ты сдурел! – рявкнул я, вскакивая. – Я тебя прямо здесь в прах развею!

Наверное, у меня было очень страшное лицо. Костя торопливо выкрикнул:

– Ты чего? Ты чего, Антон? Это моя племянница двою-

родная! Ее мать – моя сестра! Они в Строгино живут, я у них эти дни гощу, чтоб через весь город не мотаться!

Я осекся.

– Что, решил, я из нее кровь сосу? – все еще опасливо глядя на меня, спросил Костя. – Иди проверь! Никаких укусов! Племяшка это моя, понятно? Я за нее сам кого хочешь в землю зарую!

– Тьфу, – сплюнул я. – А что я мог подумать? «Вечером снова придешь», «сказку расскажешь»...

– Типичный Светлый... – уже спокойнее сказал Костя. – Раз я вампир, так сразу – скотина, да?

Наше хрупкое перемирие не то чтобы кончилось, но превратилось в нормальную холодную войну. Костя сидел и злился, а я сидел и ругал себя за слишком поспешные выводы. На детей младше двенадцати лицензии не выдают, а Костя не такой дурак, чтобы охотиться без лицензии.

Но вот... заклинило.

– У тебя же дочка, – вдруг сообразил Костя. – Такая же, да?

– Младше, – ответил я. – И лучше.

– Ясное дело, раз своя, так лучше, – ухмыльнулся Костя. – Ладно, Городецкий. Я все понял. Забыли. И спасибо тебе за наводку.

– Не за что, – сказал я. – Может, те охранники ничего и не видели. Водки выпили или дурь покурили...

– Проверим, – бодро сказал Костя. – Все проверим.

Он потер ладонью макушку и встал.

– Пора? – спросил я.

– Давит, – косясь вверх, ответил Костя. – Я исчезаю.

И впрямь исчез, предварительно отведя всем вокруг глаза. Только мутная тень секунду висела в воздухе.

– Хвастун, – сказал я и перевернулся на живот.

Честно говоря, и мне уже было жарко. Но я принципиально решил не уходить вместе с Темным.

Еще мне надо было кое-что обдумать – перед тем как идти к охране «Ассоли».

* * *

Витезслав постарался на славу. При моем появлении начальник охраны расплылся в добродушной улыбке.

– О, какие гости пожаловали! – отодвигая какие-то бумажки, провозгласил он. – Чай, кофе?

– Кофе, – решил я.

– Андрей, принеси-ка нам кофе, – распорядился начальник. – С лимончиком!

И полез в сейф, откуда появилась на свет бутылка хорошего грузинского коньяка.

Охранник, проводивший меня до кабинета, пребывал в легкой растерянности. Но спорить не стал.

– Какие-то вопросы? – шустро нарезая лимон, спросил начальник. – Будете коньячок, Антон? Хороший коньячок,

честное слово!

А я ведь даже не знал, как его зовут... Прежний начальник охраны нравился мне больше. Он был искренним в своем отношении ко мне.

Но прежний начальник охраны никогда не дал бы мне той информации, которую я сейчас рассчитывал получить.

– Мне надо посмотреть личные дела всех жильцов, – сказал я. И с улыбкой добавил: – В таком доме наверняка вы всех проверяете. Верно?

– Конечно, – легко согласился начальник. – Деньги – деньгами, но тут люди серьезные жить собираются, бандиты отмороженные не нужны... Вам все личные дела?

– Все, – сказал я. – Всех, кто купил здесь квартиры, безразлично, поселились они уже или еще нет.

– Досье на настоящих владельцев или на тех, на кого оформлены квартиры? – любезно уточнил начальник.

– На настоящих.

Начальник кивнул и снова полез в сейф.

Через десять минут я сидел за его столом и листал аккуратные, не слишком толстые папки. По понятному любопытству начал я с себя самого.

– Я больше не нужен? – спросил начальник.

– Нет, спасибо. – Я прикинул количество папок. – Мне потребуется час.

Начальник, тихонько притворив за собой дверь, ушел.

А я погрузился в чтение.

Антон Городецкий, как выяснилось, был женат на Светлане Городецкой и имел двухлетнюю дочь Надежду Городецкую. У Антона Городецкого был маленький бизнес – фирма по торговле молочными продуктами питания. Молоко, кефир, творожки и йогурты...

Фирму эту я знал. Обычная дочерняя фирма Ночного Дозора, зарабатывающая нам деньги. Таких штук двадцать по Москве, и работают в них самые обычные люди, не подозревающие, кому реально уходят прибыли.

В общем – все скромно, просто и мило. На лугу, на лугу, на лугу пасется кто? Правильно, Иные. Не водкой же мне торговать...

Я отложил свое досье и принялся за других жильцов.

Разумеется, тут не было, да и не могло быть всей информации о людях. Все-таки служба безопасности пусть даже самого роскошного жилого комплекса – это не КГБ.

Но мне и нужно-то было всего ничего. Информация о родных. В первую очередь – о родителях.

Я сразу же убирал в сторону тех, чьи родители были живы и здоровы. В другую стопку откладывал досье на людей, чьи родители умерли.

Больше всего меня интересовали бывшие детдомовцы – таковых оказалось двое – и те, у кого в графе «отец» или «мать» стоял прочерк.

Таких было восемь человек.

Эти дела я разложил перед собой и стал изучать внима-

тельное.

Сразу же отсеялся один детдомовец, судя по досье – близкий к криминальным кругам. Последний год он находился за пределами России и возвращаться, несмотря на просьбы правоохранительных структур, не собирался.

Потом отсеялись двое из неполных семей.

Один оказался слабым Темным магом, знакомым мне по какому-то пустячному делу. Его наверняка сейчас шерстят Темные. Раз ничего не выяснили – значит мужик ни при чем.

Второй был довольно известным эстрадным исполнителем, про которого я, тоже совершенно случайно, знал, что он уже три месяца совершает зарубежное турне – США, Германия, Израиль. Наверное, зарабатывает на ремонт.

Осталось семеро. Хорошее число. На нем можно было пока и сосредоточиться.

Я открыл папки и стал читать внимательнее. Две женщины, пятеро мужчин... Кто из них может быть мне интересен?

«Хлопов Роман Львович, 42 года, бизнесмен...» Лицо не вызывает никаких ассоциаций. Может быть, он? Может быть...

«Комаренко Андрей Иванович, 31 год, бизнесмен...» О, какое волевое лицо! И в достаточно юном возрасте... Он? Возможно... Нет, невозможно! Я отложил дело бизнесмена Комаренко. Человек, который в тридцать лет жертвует такие серьезные деньги на строительство храмов и вообще отличается «повышенной религиозностью», в Иного обращаться

не захочет.

«Равенбах Тимур Борисович, 61 год, бизнесмен...» Достаточно моложав для своих лет. И волевой юноша Андрей Иванович при встрече с Тимуром Борисовичем застенчиво опустил бы глаза. Даже мне лицо знакомо, то ли по телевизору видел, то ли...

Я отложил папку. Руки вспотели. По спине прошел холодок.

Нет, не из телевизора, точнее – не только из телевизора вспоминается мне это лицо...

Не может быть!

– Не может быть! – повторил я свою мысль вслух. Плеснул себе коньяка, выпил залпом. Посмотрел на лицо Тимура Борисовича – спокойное, умное, слегка восточное лицо.

Не может быть.

Я открыл папку и стал читать. Родился в Ташкенте. Отец... неизвестен. Мать... умерла в самом конце войны, когда маленькому Тимур не было и пяти лет. Воспитывался в детском доме. Окончил строительный техникум, затем – строительный институт. Продвигался по комсомольской линии. В партию как-то ухитрился не вступить. Создал один из первых в СССР строительных кооперативов, впрочем, куда больше, чем строил, торговал импортной плиткой и сантехникой. Перебрался в Москву... основал фирму... занимался политикой... не был, не состоял, не привлекался... жена, развод, вторая жена...

Я нашел человека-клиента.

А самое ужасное было в том, что одновременно я нашел и предателя-Иного.

И находка эта была так неожиданна, словно рушилось само мироздание.

– Как вы могли, – укоризненно сказал я. – Как вы могли... шеф...

Потому что если омолодить Тимура Борисовича лет на десять – пятнадцать, то станет он вылитой копией Гесера, в миру – Бориса Игнатьевича, лет шестьдесят назад как раз обитавшего в тех краях... Ташкент, Самарканд и прочая очень средняя Азия...

Больше всего меня поразили даже не проступок шефа. Гесер – преступник? Это было настолько невероятно, что даже не вызывало эмоций.

Меня потрясло, как легко шеф попался.

Родился, выходит, шестьдесят лет назад у Гесера ребенок в далеком Узбекистане. Потом Гесеру предложили работу в Москве. А мать ребенка, обыкновенная женщина, умерла в военное лихолетье. И попал маленький человечек Тимур, чей отец был великим магом, в детский дом...

Всякое бывает. Гесер мог и не знать о существовании Тимура. А мог знать, но по каким-то причинам не принимать участия в его судьбе. Но вот – выиграло что-то в старике, расстрогался, встретился с постаревшим сыном, да и дал опрометчивое обещание...

И это как раз удивительно!

Гесер сотни, тысячи лет занимается интригами. Каждое произнесенное им слово сказано неспроста. И так проколоться?

Невероятно.

Но факт.

Не надо быть специалистом по физиогномике, чтобы опознать в Тимуре Борисовиче и Борисе Игнатьевиче ближайших родственников. Если даже промолчу я – это открытие сделают Темные. Или Инквизиторы. Прижмут пожилого бизнесмена... да что его прижимать? Мы же не злые рэкетиры. Мы Иные. Посмотрит Витезслав ему в глаза, или Завуллон щелкнет пальцами – и начнет Тимур Борисович все рассказывать как на исповеди.

И что будет Гесеру?

Я задумался. Ну... если он признается, что сам же и отправил письма... значит, злого умысла у него не было... раскрыться перед человеком он в общем-то имеет право...

Некоторое время я перебирал в уме пункты Договора, дополнения и уточнения, прецеденты и исключения, ссылки и сноски...

Выходило довольно-таки забавно.

Гесера накажут, но не очень строго. Максимум – порицание от европейского бюро Ночного Дозора. И что-нибудь грозное, но малоосмысленное от Инквизиции. Даже место свое Гесер не потеряет.

Вот только...

Я представил, какое веселье начнется в Дневном Дозоре. Как будет ухмыляться Завулон. С каким неподдельным любопытством станут Темные интересоваться семейными делами Гесера, передавать привет его сыночку-человеку.

Конечно, за прожитые Гесером годы любой отрастит дубленую шкуру. Научится сносить насмешки.

Но не хотел бы я сейчас оказаться на его месте!

И ведь наши ребята тоже от иронии не удержатся. Нет, попрекать Гесера промашкой никто не станет. И злословить за спиной – тоже.

Однако ухмылки будут. И недоуменные покачивания головой. И шепотки – «стареет все-таки Великий, стареет...».

Не было во мне ныне никакого щенячьего преклонения и восторга от Гесера. Очень во многом наши взгляды расходились. Кое-что я ему до сих пор не мог простить...

Но так сесть в лужу!

– Что же ты, Великий? – сказал я. Сложил все папки в открытый сейф, налил себе еще рюмку коньяка.

Мог ли я помочь Гесеру?

Чем?

Первым добраться до Тимура Борисовича?

И что дальше? Наложить заклятие молчания? Снимут, найдутся мастера.

А если принудить бизнесмена покинуть Россию? Уйти в бега, будто за ним все городские преступные группировки,

вместе со всеми правоохранительными органами, гонятся? Может быть, и уйдет. Спрячется где-нибудь в тундре или в Полинезии.

Так ему и надо. Пусть остаток жизни охотится на тюленей или кокосы с пальм сбивает! Захотелось, значит, стать Владычицей Морскою...

Я снял трубку телефона, набрал наш офисный коммутатор. Ввел добавочные цифры – и переключился на вычислительную лабораторию.

– Да? – спросила трубка голосом Толика.

– Толик, пробей мне одного человечка. Быстро.

– Имя говори – пробью, – без удивления ответил Толик.

Я перечислил все, что мне стало известно о Тимуре Борисовиче.

– Ха. Так что тебе надобно сверх этого? – удивился Толик. – На каком боку спит или когда последний раз у стоматолога был?

– Где он сейчас, – хмуро сказал я.

Толик хмыкнул, но я слышал на другом конце провода бодрый перестук клавиш.

– Мобильник же у него есть, – на всякий случай сказал я.

– Не учи ученого. У него даже два мобильного... оба находятся... находятся... Так, сейчас, карту наложу...

Я ждал.

– Жилой комплекс «Ассоль». А точнее тебе даже ЦРУ не скажет, точности позиционирования не хватает.

– С меня бутылка, – сказал я и повесил трубку. Вскочил. Впрочем... чего я суечусь? Сидя перед монитором служб наблюдения?

Искать пришлось недолго.

Тимур Борисович как раз входил в лифт – за ним следовала парочка с каменными физиономиями. Два охранника. Или охранник и шофер – по совместительству второй охранник.

Я погасил монитор и вскочил. Выбежал в коридор как раз вовремя, чтобы наткнуться на начальника охраны.

– Удачно? – просиял тот.

– Ага, – кивнул я на бегу.

– Помощь-то нужна? – встревоженно крикнул начальник мне вслед.

Я только помотал головой.

Глава 6

На двадцатый этаж лифт, казалось, полз невыносимо медленно. По пути я успел придумать и отбросить несколько планов. Охрана – вот что все усложняло.

Придется импровизировать. А если потребуется – то и немножечко демаскироваться.

Я долго звонил в дверь, глядя в электронный зрачок «глазка». Наконец что-то щелкнуло, и из скрытого в стене коммутатора меня спросили:

– Да?

– Вы меня заливаете! – выпалил я, изображая максимальное волнение. – У меня все фрески на потолке потекли! В роялях уже по два ведра воды!

Откуда выскочили эти фрески и рояли?

– В каких роялях? – подозрительно спросил голос.

Да откуда мне знать, какие эти рояли бывают? Черные и дорогие. Или белые и еще дороже...

– В венских! С гнутыми ножками! – ляпнул я.

– А не в тех, что в кустах стоят? – с откровенной иронией спросили меня.

Я посмотрел себе под ноги. Вот ведь проклятое многопозиционное освещение... тут даже теней толком не было!

Вытянув руку к двери, я ухитрился заметить слабую тень на розоватом дереве, которым была обшита броневая сталь.

И потянул тень на себя.

Рука ухнула в Сумрак, а вслед за рукой – и я сам.

Мир преобразился. Выцвел, посерел. Повисла глухая тишина, лишь едва слышно звенела электронная начинка в «глазке» и коммутаторе.

Я был в Сумраке, в том странном мире, куда знают дорогу лишь Иные. В мире, откуда исходит наша Сила.

Бледные тени насторожившихся охранников – над головами их тлела тревожная алая аура, я видел даже сквозь двери. И мог сейчас потянуться мыслью, отдать приказ – и мне бы открыли.

Но я предпочел пройти сквозь дверь.

Охрана и впрямь насторожилась – у одного в руке был пистолет, второй медленно-медленно тянулся к кобуре.

Я коснулся охранников, большим пальцем руки провел по крепким лбам. Спать, спать, спать... Вы очень устали. Надо лечь и поспать прямо сейчас. И спать не меньше часа. Крепко-крепко. И видеть хорошие сны.

Один охранник обмяк сразу, другой долю секунды сопротивлялся. Надо будет его потом проверить на принадлежность к Иным, мало ли...

Потом я вышел из Сумрака. Мир обрел краски и убыстрился. Откуда-то донеслась музыка.

Охранники кулями валились на дорогой персидский ковер, брошенный у самой двери.

Я ухитрился подхватить сразу обоих и уложить их доста-

точно бережно.

А потом пошел на звук, на минорное пение скрипки.

Вот эта квартирка была отремонтирована на совесть! Все здесь сияло, все было продумано и гармонично, здесь явно постарался дизайнер из числа самых крутых. Здесь хозяин и гвоздика в стену не вбивал. Да и пожеланий, вероятно, не высказывал. Так... мычал одобрительно или недовольно, разглядывая цветные эскизы, потом ткнул в несколько картинок пальцем – и на полгода забыл о квартире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.